

Владыка сумеречной башни

Автор:

[Морвейн Ветер](#)

Владыка сумеречной башни

Морвейн Ветер

Хроники Бладрейха #5

Что будет, если приёмыш-полукровка полюбит эльфийскую принцессу? Ничего хорошего. Станет изгнанником в лучшем случае. А принцессу выдадут замуж – конечно же, не за него. А в худшем? В худшем из полукровки получится тот ещё тёмный властелин. А принцесса? Ей повезёт ещё меньше.

Морвейн Ветер

Владыка сумеречной башни

Глава 1. Подарок к солнцевороту

– Там, где Стеклянная река впадает в Море Звёзд, а над Дивным Лесом вонзаются в небо хрустальные башни Альтаира, там, в горной долине, куда нет дороги Злу, остался наш дом... Ингрид! Что я сказал?

Ингрид моргнула глазами синими, как океан за окном, и соблазнительно покраснела.

– Вы сказали... – девочка отвлекающим движением нарисовала восьмёрку на странице, – что хрустальные башни... Были построены...

За спиной послышалось хихиканье Белла, и учитель в ярости захлопнул книгу.

– Всё, – бросил он. – Больше не могу.

Сделав глубокий вдох, наставник заставил себя успокоиться.

– Дочитаешь сама и расскажешь мне наизусть. Начиная от основания Альтаира и до самого исхода.

Учитель направился к двери, и Ингрид проводила его обиженным взглядом.

– И что его так разозлило... – пробормотала она и пожала тонкими плечиками.

Ингрид едва достигла возраста, когда эльфийки начинают интересоваться эльфами больше, чем сказками о драконах, но для этих лет не только выглядела достаточно взрослой, но и отлично осознавала свои преимущества перед другими. Во-первых, она была пусть младшей и не наследной, но всё же принцессой Дома Синего Дракона. Быть Младшей ей нравилось, потому что Белл, старший, в отличие от неё должен был помимо магии и истории изучать политическую обстановку в мире, стратегические трактаты прошлого и другие бесполезные вещи. Быть дочерью главы дома ей нравилось тоже – потому что это значило, что никто кроме Белла не смел цепляться к ней, и даже учитель в спорах с ученицей всегда оставался не у дел. Впрочем, последнему обстоятельству была и ещё одна причина – Ингрид обладала редчайшими среди сумрачных эльфов белоснежными пушистыми ресницами и длинными чуть вьющимися волосами того же цвета. В отличие от других, она не заплетала их в косу, а только скалывала у затылка драгоценными брошками, которые в изобилии дарили ей и отец, и другие, куда менее близкие эльфы. Ингрид подарки принимала не стесняясь, но ответных обещаний никогда не давала – она отлично знала, что судьбу свою решает не сама.

– Ты – дурочка, Ингрид, – Белл подошёл и отвесил ей подзатыльник.

Ингрид насупилась и промолчала. Белл был старше её на десять лет и выше на полголовы. И хотя для бессмертного эльфа десять лет – не срок, когда речь заходила об умении намять бока обидчику, десять лет тренировок вполне себе решали дело.

– Будешь так себя вести – никогда не станешь настоящей Хранительницей.

– Хранительница, – фыркнула Ингрид и принялась убирать книги в шкаф. – Хранительница должна уметь колдовать! Вот так! – она изобразила руками в воздухе хитрый знак, и ваза, стоявшая на самой верхней полке, со звоном разлетелась на множество осколков.

– Дура, – Ингрид тут же получила ещё один подзатыльник. – Хранительница Знаний – это не только магия, это ещё и мозги! А у тебя их явно не хватает.

Ингрид насупилась, но снова промолчала.

– Ладно, – сказала она, наконец, примирительно, – Белл, ты научишь меня седлать виверну сегодня?

– Нет! – отрезал старший. – Сегодня ты будешь зубрить историю Сумеречного Народа.

– А вот и не буду! – заявила Ингрид, и Белл только теперь заметил, что взгляд сестры устремлён за окно.

Белл подошёл и встал рядом.

– Возвращаются, – констатировал он. – Но это не значит, что ты сегодня отдыхаешь!

Ингрид фыркнула.

– Зубри сам! – шмыгнув мимо брата, она выскочила в коридор и рванула вниз по винтовым лестницам, пронизавшим насквозь башню Синего Дракона. Преодолев несколько пролётов, она поняла, что Белл несётся следом, но остановилась только на первом этаже, когда увидела в дверях мощную фигуру отца. У

Тауфина, сына дракона, волосы были тёмными, с проблесками червонного золота, и сам он мощью грудной клетки и шириной плеч скорее походил на лесного великана, чем на эльфа, пусть даже и с примесью древней крови.

– Отец! – Ингрид бросилась было на шею вошедшему, не обращая внимания на остановившуюся по сторонам свиту, но замерла, обнаружив, что отец держит в руках огромный свёрток. – Подарки?

Ингрид расплылась в улыбке.

– В каком-то смысле, – ответил Тауфин, бережно опуская свёрток на пол.

– Мой меч! – воскликнул Белл. Старший остановился рядом с Ингрид и незаметно ущипнул её за руку, так что та взвыла от боли.

– Мо-оя.... Моя лютня, ты её привёз?

Тауфин прокашлялся.

– Белл... Найди управляющего. Прикажи освободить спальню на верхнем этаже. И пусть подготовят купальню.

– Конечно, отец, – Белл вежливо поклонился. – Но...

– Нет, Белл, меча не будет.

Лицо наследника вытянулось, он собирался спросить что-то ещё, но в этот миг свёрток зашевелился.

Брат и сестра замерли, уставившись на скрученный трубочкой ковёр, в котором Тауфин доставил свою ношу, а в следующую секунду из гобелена показалась лохматая чёрная голова. Острые ушки едва заметно выбивались из грязных прядок волос. Большие чёрные глаза были изумлённо распахнуты и, казалось, занимали поллица.

– Какой миленький, – Ингрид хихикнула и присела на корточки рядом со свёртком. – Ты кто?

Мальчишка молчал и явно был напуган до смерти.

– Как тебя зовут? – Ингрид протянула перед собой руку, чтобы погладить непонятное существо.

– Инг! – Белл торопливо ударил её по руке. – Ты видишь, у него глаза мутные? Он, может быть, болен, и заразно. – Белл поднял глаза на главу дома. – Что это значит, отец? Это заложник?

– Уймись ты, – не обращая внимания на брата, Ингрид принялась раскручивать ковёр, пытаясь освободить странное существо. Темноволосый мальчишка при этом старательно пытался отвоевать себе хотя бы кусочек ковра, защищавшего его от посторонних взглядов. – Папа, он правда болен! Посмотри, у него кровь!

– Инг, отойди! – на сей раз в два голоса потребовали отец и брат.

– Не пойду я никуда! – Ингрид попыталась высвободиться из тащивших её прочь рук. – Ему больно, а я умею лечить! Папа, ну я же правда умею! Пусть Белл меня отпустит!

Тауфин вздохнул.

– Ладно, Белл,пусти её. Пока настоящего Хранителя приведут, Раймон измучается весь. Иди лучше, сделай, как я сказал.

Белл бросил последний мрачный взгляд на чудо-юдо, которое принёс отец и назвал именем Раймон. От мальчишки пахло странно... Да нет, от него пахло просто отвратно, то ли болотом, то ли гноем, но кроме естественных запахов существа, которое долго шаталось по какой-то грязи, от этого Раймона пахло... человеком? Белл никогда не чуял этого запаха здесь, у себя дома. Только в пограничных городах, куда иногда возил его отец.

– Хорошо, – сказал Белл сухо и стал подниматься вверх.

А Ингрид вновь упала на колени около чудного мальчишки и, не обращая внимания на сопротивление, принялась сдирать с того покрывало.

– Убери руку, – она легко оттолкнула запястье ослабевшего парнишки, освобождая себе доступ к неприятной ране под рёбрами. – Кто это тебя так, Раймон, – она будто бы пробовала слово на вкус.

– Да так... один, – Раймон насупился.

Это выглядело так забавно, что Ингрид не удержалась и приснула смехом. Мальчишка тут же насупился ещё сильнее и обиженно засопел.

– Ты похож на мокрого пса, – сообщила Ингрид, пока пальцы её порхали над изувеченным местом. – Так – больно? – спросила она, и мальчишка тут же заорал во весь голос. – Пап, нужно... – Ингрид подняла голову и обнаружила, что отца уже нет рядом.

Юная Хранительница снова опустила растерянный взгляд на Раймона.

– Нужно промыть, – сказала она, и веселье из её голоса испарилось. – Плохая рана.

– Знаю, – Раймон оставался всё так же серьёзен.

– Идти можешь?

Раймон фыркнул и попытался встать, но тут же едва не рухнул обратно на пол. Тонкие руки Ингрид подхватили его под поясницу, но удержать не смогли, и Раймону пришлось привалиться к стене. Он тяжело дышал.

– Какой ты большой... – задумчиво произнесла Ингрид. Раймон и в правду был на полголовы выше любого эльфа, которого она знала, уступая в росте разве что Тауфину. Он вообще мало походил на эльфа – разве что ушами и огромными глазищами. – Пойдём, – Ингрид осторожно подставила Раймону плечо, и так, опираясь на плечо будущей Хранительницы одной рукой и на стену другой, полуэльф стал подниматься вверх.

Когда винтовая лестница, которую Ингрид ещё утром преодолела в несколько прыжков, осталась, наконец, позади, оба привалились к стенам по разные стороны коридора и попытались отдышаться.

- Ты - Ингрид? - спросил Раймон, внимательно разглядывая эльфийку.

Ингрид кивнула.

- Я - дочь Тауфина. А этого, противного, зовут Белл. Он мой брат.

На лице Раймона промелькнула усмешка, и он тут же снова стал серьёзным.

- Спасибо... что возишься со мной.

Ингрид расплылась в улыбке.

- Мне нравится. И потом... Разве ты бы так не сделал?

- Не знаю, - Раймон пожал плечами. - Я ведь ещё не знаю тебя.

Ингрид не обратила внимания на слова странного мальчишки.

- Пошли, - она снова подставила плечо. - Осталось чуть-чуть.

Миновав несколько дверей, они подошли к спальне Ингрид. Она пнула ногой дверь и, рывком затащив Раймона внутрь, бросила на кровать.

Перевела дух, стёрла пот со лба, закрыла дверь и опустилась на секунду рядом с Раймоном. Затем встала и отправилась в ванную. Вернулась Ингрид с металлическим тазиком для обливаний и мягким полотенцем в руках.

- Ты ещё не разделся?

Раймон покраснел и покачал головой.

- Всё нужно делать за тебя.

Ингрид принялась стаскивать с парнишки грязную рубашку. Закончив, она безглаголиво отшвырнула её на пол и занялась, наконец, раной.

- Так кто тебя так? – спросила она.

- Это... так... А-ай! – Раймон обиженно посмотрел на Ингрид.

- А не надо врать, – заявила Ингрид и принялась обрабатывать порез уже аккуратнее.

- На улице напали.

- На улице? – Ингрид высоко подняла брови. Она впервые слышала о том, чтобы на кого-то напали просто так.

- Ну... да. А господин Тауфин отогнал этого ублюдка и забрал меня с собой.

- Ублюдка... – повторила Ингрид и покраснела. Раймон говорил странно и о странном. Но от того было ещё интереснее выяснить, что же случилось. – А чего этот... ублюдок... хотел от тебя?

- Да чёрт его знает. Может денег, а может... – Раймон запнулся, не решившись произнести то, что хотел, и покраснел. Ингрид была какой-то... нечеловеческой. Ну, да, она, собственно, и не была человеком. Но даже то, что слышал Раймон об эльфах, никак не подходило к Ингрид. – Тебе правда так интересно, а?

- Ну, да, иначе зачем бы я спрашивала? Значит, отец нашёл тебя на улице в Дорлифене и привёз нам вместо лютни?

Раймон отвернулся и снова насупился.

- Я никому не хотел мешать. Уйду, если нужно.

- Но лютня то от этого уже не появится, – Ингрид усмехнулась и сверкнула глазами из-под белоснежных ресниц. – Так что тебе придётся её заменить.

- Как это?

- Будешь моим подарком на Солнцеворот.

Раймон снова покраснел.

– Если надо, – пробормотал он. – Что там с раной?

– Всё в порядке. Смотри.

Раймон изогнул шею, разглядывая недавнюю рану.

– И правда, – он поднял на Ингрид удивлённый взгляд.

– А теперь давай, – Ингрид поднялась и замахала рукой, сморщив маленький носик. – Вставай, раздевайся, мойся. Я позову Марлин, после тебя всю постель менять.

– Прости, – Раймон снова смутился. Встав, он поплёлся туда, откуда Ингрид принесла воду. – Подожди, – он замер на пороге. – Что значит: «Раздевайся»? Мне одеваться не во что.

Глава 2. Член семьи

Следующим вечером Тауфин собрал у себя всю семью: двоих своих детей, сестру Айниру с её тремя почти взрослыми сыновьями – и Раймона.

Дом Синего дракона был невелик. История рода уходила корнями ко временам исхода, и владыка Тауфин гордо и честно мог говорить о том, что его тело несёт в себе кровь драконов. Однако войны сначала с людьми, а затем с Империей Крови, покорившей их земли, раз за разом накатывали на земли Синего Дракона, лежавшие на самой границе королевства. Мужчины умирали, не успев оставить потомство, и место их во главе пограничных отрядов занимали женщины. Так погибли шурин Тауфина и его старший сын, а затем и его супруга. Вампиры отлично знали, что стоит лишить отряд благородного предводителя, как магия драконов оставит войско Сумеречного Народа, и остатки воинов разбегутся.

В подчинении Тауфина всё ещё оставалось две тысячи простых бойцов, в ком не было ни капли драконьей крови, но вот ядро семьи становилось всё меньше.

– Дети мои, – произнёс Тауфин чинно, обводя покровительственным взглядом стоявших перед ним сыновей и племянников. – Я хочу познакомить вас со своим новым сыном.

Сыновья Айниры зашептались и стали переглядываться.

Белл нахмурился и опустил руку туда, где мог бы уже быть настоящий меч, а сейчас вместо него висела бестолковая деревяшка.

Ингрид широко улыбнулась и, склонив голову, из-под густых ресниц бросила короткий взгляд на Раймона.

Раймон покраснел. Он покраснел ещё тогда, когда Тауфин заговорил о новом сыне, потому что не мог поверить, что речь идёт о нём.

Встреча с благородным эльфом была чудом. Одни демоны знают, что привело Тауфина в трущобы, но едва Раймон увидел вдалеке его прямую спину и шёлк голубого плаща, трепещущий на ветру, как уже не мог отвести взгляд. Конечно, все в округе знали, что гулящая Варна приبلудила от эльфа. Острые уши было не скрыть никаким капюшоном, да и вырослел мальчик куда медленнее, чем сверстники – за что не раз получал обидные клички.

Но сам Раймон эльфов не видел никогда. До этого дня. Он пробирался ночами под окна трактира, чтобы послушать песни заезжих бардов о бессмертных народах, и гадал, каким же был его отец? Гордым Лунным или свободолюбивым Лесным эльфом? Или, может быть, просвещённым эльфом Солнца? И хотя сумеречное королевство лежало к Дорлифену ближе всех других эльфийских королевств, Раймон никогда и не надеялся, что в нём течёт кровь самого могущественного эльфийского народа, много веков назад породнившегося с драконами.

Раймон не знал, к какому народу принадлежит таинственный незнакомец. Его попросту покорили его волосы с прожилками золота и широкие плечи, закованные в сталь. И когда Мартышка Джон решил поживиться редкой добычей и всадить в спину благородному гостю свой кривой клинок, Раймон сам не заметил, как бросился ему наперерез. С первого раза клинок выбить не удалось, завязалась короткая схватка, и нож вошёл полуэльфу под ребро. Раймон уже

решил, что ему конец, когда руки Тауфина оторвали от него Мартышку и швырнули о стену.

А его, грязного полукровка, подняли на руки.

– Зачем полез? – спросил Тауфин, и на лице незнакомого мужчины отразилась искренняя забота – такая, какую Раймон видел разве что в глазах матери, давно уже почившей от старости. Ответа Тауфин не дождался, продолжив расспросы: – Ты что это: полуэльф?

Раймон зажмурился, почувствовав, что сейчас сказка закончится. Он не слышал, что эльфы не любят полукровок куда больше, чем люди. Для нищих и бандитов из трущоб он был просто жалким уродцем – непохожим на других, слишком слабым, чтобы работать в доках наравне с честными труженниками, и слишком медленно взрослеющим, чтобы оказаться полезным учеником в воровской гильдии.

Для эльфов же, как говорили все, включая знающих всё на свете бардов, одно существование полукровок было оскорблением.

Раймон искренне ожидал, что его ударят, но вместо этого большие и неожиданно мягкие руки эльфа приподняли его и понесли куда-то. Вскоре Раймон потерял сознание и очнулся уже в каком-то странном жёстком кульке, притороченном к седлу виверны – и на высоте птичьего полёта. Последнее открытие заставило мальчишку задрожать от ужаса – и дрожать уже до тех пор, пока виверна не опустилась на вымощенную мрамором посадочную площадку.

Если бы не странное белоснежное создание, по имени Ингрид, Раймон дрожал бы и до сих пор. А скорее – валялся бы снова без сознания.

Но Раймон стоял в удивительно красивом, отделанном разноцветными осколками кварца, зале, в окружении ослепительно красивых бессмертных существ, а Ингрид держала его за руку – и теперь, после слов Тауфина, прекрасного эльфа, принёсшего его сюда, оказавшегося то ли королём, то ли ещё какой-то большой шишкой, эльфийка сильнее сжала пальцы, будто почувствовав, как дрожат пальцы названного брата.

Раймон торопливо выдернул руку. Он не хотел, чтобы Ингрид знала, как ему страшно. Не хотел, чтобы Ингрид догадалась, как неудобно ему здесь и насколько не место ему, грязному полукровке, среди этих прекрасных созданий.

Раймон давно привык, что все вокруг считают его чем-то вроде дворняги, которая легко сносит пинки и побои. Но именно Ингрид не должна была так считать. Раймон сам не знал, почему.

– Его зовут Раймон, – произнёс Тауфин, приближаясь к двум своим родным детям и третьему, приёмному.

– Имя как у дворняги, – фыркнул кто-то из юношей, стоявших в стороне, и двое других тут же захихикали.

Тауфин сделал вид, что не слышит, а Раймон не заметил, каким пристальным взглядом наградила говорившего Ингрид – так что кузен поперхнулся собственным смехом, и толкнул локтем брата, заставляя замолчать и его.

– В нём нет драконей крови, – произнёс холодно тот, кого звали Белл. – В нём и эльфийской-то крови – кот заплакал. Он будет позором для дома, отец.

– С чего ты взял, – оборвал его Тауфин – что в его жилах нет крови наших предков? Только с того, что в нём течёт кровь людей? И даже если ты прав, Белл. Я – глава дома. Моё решение – закон. Удивлен, что ты об этом забыл.

– Да, отец, – Белл опустил голову, пряча недовольный взгляд за выбившимися из косы прядями чёрных волос.

– Раймон будет ходить на занятия вместе с тобой и Ингрид.

– Но... – Белл запнулся.

– Ты что-то хотел спросить, сын?

– Нет... – выдохнул Белл. – Ничего.

– Он хотел сказать, – произнесла Ингрид с улыбкой вместо него, – что Раймон наверняка отстал в учёбе.

Услышав это слово, «отстал», Раймон дёрнулся и бросил короткий взгляд на Ингрид, но та продолжала как ни в чём ни бывало:

– ... и было бы хорошо, чтобы кто-нибудь из нас помог ему наверстать пропущенное.

Тауфин задумчиво кивнул.

– Да, ты права, конечно. Но это уже не тема для обсуждения на семейном собрании. Если хочешь, позанимайся с ним. Всё, все свободны.

Тауфин вернулся на своё кресло в торце зала. Айнира осталась стоять рядом с ним, и старшие принялись негромко что-то обсуждать.

Сыновья Айниры потянулись к выходу, продолжая перешёптываться. Проходя мимо нового члена семьи, каждый из троих будто бы невзначай постарался задеть его плечом. Ингрид проводила уходящих холодным взглядом, но в спор вступать не стала – настоящая угроза осталась стоять рядом, и угрозу эту звали «Белл».

– Стало быть, ты теперь сама решила стать учительницей? – спросил он, подходя к Ингрид.

– Нужно – и стану, – Ингрид вскинула подбородок.

– Смотри, помыться не забудь после занятий.

Фыркнув, он вышел следом за остальными, а Ингрид облегчённо вздохнула, довольная тем, что ссора закончилась так легко, и повернулась к Раймону. Тот стоял мрачный, как туча.

– Эй, – Ингрид помахала ладонью перед его глазами. – О чём задумался?

Раймон медленно перевёл взгляд на Ингрид.

– Всё ещё хочешь возиться со мной?

– Ну, я же тут, – она протянула руку и попыталась поймать ладонь полуэльфа.

– Смотри, как бы и тебе не досталось.

Ингрид фыркнула.

– Ко мне никто не посмеет подойти. И к тебе тоже – пока ты со мной.

– Что-то не очень хочется... – Раймон запнулся. «Становиться твоим хвостиком», – хотел он сказать, но понял, что это было бы неправдой. Ему очень даже хотелось остаться рядом с белокурой, чьи волосы походили на тополиный пух, девушкой. Просто прятаться за спиной у такого хрупкого создания было совсем уж подло. Даже для него.

– Пошли, – воспользовавшись тем, что Раймон на время выпал из реальности, Ингрид всё-таки схватила его за руку и потащила прочь.

В тот же вечер, когда они сидели в библиотеке на верхних этажах башни и разбирали заданный Ингрид урок, обнаружилась первая проблема: Раймон не умел читать.

– Тебе сколько лет? – спросила Ингрид с деланной строгостью, уставившись на него.

Раймон пожал плечами и отвернулся.

– Раймон, – позвала Ингрид настойчиво и, не встретив ответной реакции, встала и подошла к Раймону вплотную. Двумя пальцами, униженными острыми перламутровыми коготками, подняла к себе лицо полуэльфа. – Сколько пальцев? – она выставила перед собой раскрытую ладонь.

Раймон секунду смотрел на неё, а затем, вскочив с места, оттолкнул протянутую к нему руку и рванулся к двери.

Ингрид проследила за ним задумчивым взглядом и щелчком пальцев заставила дверь захлопнуться перед самым носом полуэльфа. Тот сжал кулаки и обернулся, ожидая продолжения нападок.

- Ты и считать не умеешь, - произнесла Ингрид, приближаясь к нему.

- Ну, давай, скажи, что я вообще ничего не умею!

Ингрид замерла на месте, изучая яростный огонь во взгляде ученика. Она никогда ещё не встречалась с таким открытым проявлением чувств, тем более с таким открытым проявлением злости. Обычно саму её упрекали в несдержанности и легкомыслии, но шалости Ингрид казались игрой искр на поверхности металла по сравнению с лесным пожаром эмоций Раймона.

- Я не думала этого говорить, - соврала Ингрид. - Все ведь когда-то не умели читать. И считать. Ну... позанимаемся немножко. Всё равно наставник проговаривает всю эту лабуду, - Ингрид постучала ногтем по корешку книги на ближайшей полке, - вслух.

Раймон всё ещё стоял напротив, плотно сжав зубы.

- Не говори брату, - сказал он мрачно.

Ингрид представила реакцию Белла, который и её саму без конца называл дурёхой за непоседливость, и кивнула.

- Ну, по крайней мере, больше я не буду самой большой идиоткой в семье.

Прежде чем Раймон успел разозлиться, Ингрид ослепительно улыбнулась, и полуэльф понял, что ответить ему нечего.

Шло время, но обычно легко остывавшей Ингрид не надоедало возиться со своим «подарком». Рядом с Раймоном она чувствовала себя настоящей Хранительницей - заботливой и мудрой, и ей безмерно нравилось это чувство.

Раймон же готов был учиться чему угодно, если обучала его забавная эльфийка с пушистыми ресницами и белыми, как облака, волосами.

Ингрид не надоедал Раймон, но учёба всё же надоела достаточно быстро. И понял это полуэльф, когда однажды после ужина Ингрид взяла его за руку и потащила вниз по лестницам.

– Куда мы идём? – спросил Раймон, когда обнаружил, что они уже стоят на первом этаже многоэтажной башни из полупрозрачного серо-голубого камня. Там, где он увидел Ингрид впервые.

– Ты умеешь ездить верхом?

– Ну... – Раймон задумался. Признаваться в том, что он и этого не умеет, не хотелось. Ингрид и так явно считала его идиотом. – На лошади.

– Как думаешь, на виверне то же самое?

– Наверное, – выдавил Раймон, хотя по телу пробежала волна дрожи от мысли о том, что он снова окажется в небе.

– Тогда научишь меня её седлать.

Раймон не ответил, да Ингрид и не ждала ответа. Волоча за собой Раймона, она уже неслась далеко впереди.

Дрожащими пальцами Раймон застёгивал подпруги и уздечки, стараясь не показать, что видел, как это делается, только издалека.

Раймон не умел читать и писать. Он не знал ни истории, ни древних языков. Всё, что он мог хотя бы попытаться сделать, чтобы не потерять интерес своей новой знакомой – это показать, что умеет работать руками. И он старался изо всех сил.

Наконец, два гордых животных оказались запряжены.

Ингрид дёрнула за поводья своей виверны, и та нехотя опустила шею, предлагая ей забраться в седло.

– Ингрид... – позвал Раймон, и эльфийка обернулась. У Раймона тут же перехватило дыхание от взгляда этих огромных синих глаз. Он хотел сказать, что вся идея с вивернами – глупость, но тут же понял, что не может вымолвить ни слова, и смущённо замолчал.

– Давай, – Ингрид запрыгнула в своё седло, и Раймону ничего не оставалось, кроме как сделать то же самое.

Дети успели подняться всего на несколько метров, когда из башни выскочила группа эльфов, размахивающих руками и вопящих на несколько голосов.

Раймон с облегчением вздохнул, поняв, что полёт отменяется.

Ингрид же прищурилась и легко ударила виверну по бокам пятками, как сделала бы это с лошадью. Обиженная рептилия взвыла и пошла вверх, но не плавно, по спирали, а задрав голову к небу.

Несколько секунд Ингрид балансировала в седле, с трудом удерживаясь на спине ящера и не желая уступать своей гордости. Всё это время виверна продолжала набирать высоту. А затем плохо закреплённый ремень отскочил, и эльфийка стала падать вниз вместе с седлом.

Раймон выругался. Попытался, используя поводья, повернуть виверну так, чтобы та оказалась под другой всадницей, но рептилия явно не понимала, чего от неё хотят.

Когда же Раймон увидел, что Ингрид уже летит вниз, все мысли выветрились напрочь. Он выпрыгнул из седла, далеко протягивая перед собой руки и пытаясь поймать падающую эльфийку.

Раймон рухнул на камень, сильно ударившись затылком, но сознания не потерял. Следом на него приземлилась Ингрид – и тут же закопошилась, крепче

придавливая тело полуэльфа к земле и пытаюсь подняться раньше, чем до обоих доберутся слуги.

– Госпожа Ингрид! – девочку вздёрули на ноги всё же раньше, чем она успела подняться сама, и принялись отряхивать со всех сторон.

– Это он её чуть не убил! – Раймон увидел, что кто-то из эльфов ткнул в него пальцем, но лица не узнал – он всё ещё плохо знал большинство домочадцев.

Один за другим взоры слуг обращались к нему.

– Я знала, что этот полукровка принесёт нам несчастье! – услышал он голос Марлин, горничной Ингрид и Белла, где-то совсем рядом.

Раймон сжал зубы. Всё это он слышал уже много раз и ничуть не удивился. Удивительно было только то, что Ингрид стояла рядом и молчала. Лицо её было бледным, губы сжаты в плотную полоску.

– А ну к владыке его! – кто-то дёрнул Раймона за плечо, резко поднимая на ноги. Мальчик пошатнулся – перед глазамиплыли цветные круги, а затылок всё ещё ныл. Впрочем, ему удалось не упасть, а спустя мгновение его уже тянули куда—то вверх по лестницам.

– Господин Белл?

Раймон сжал кулаки, когда оказавшись в приёмных покоях владыки, увидел сидящего на отцовском кресле молодого наследника.

– Что случилось? – Белл чуть наклонился, разглядывая провинившегося.

– Господин Белл, мы привели «этого» к владыке. Он чуть было не убил госпожу Ингрид.

– Мою сестру?

Глаза Раймона и Белла встретились. Почему-то Раймону казалось, что реакция любого любящего брата на подобные слова должна быть другой. Он бы поверил,

если бы Белл вскочил, ударил его, закричал. Но Белл лишь прищурился и внимательным взглядом уставился на него.

Марлин, державшая мальчика за плечо, принялась рассказывать о произошедшем.

– Зверёныш совсем одурел от вседозволенности, – холодно произнёс Белл. – Заприте его в клетке, с другими такими же.

Белл отвернулся, а Раймон перевёл недоумевающий взгляд на стоявшую за его правым плечом Марлин. Казалось, горничная хотела что-то сказать, но передумала.

– Пошли, – она развернула Раймона к выходу и повела обратно вниз.

Глава 3. Зверьё

С самого утра у Ингрид всё валилось из рук. Взгляд то и дело устремлялся за окно, к подножию башни, где стояли клетки для пленных.

Отец уехал по делам на две недели. И это означало, что на две недели управление Домом переходило в руки Белла. Одна мысль о том, что целых две недели ей придётся терпеть главенство брата, сводила Ингрид с ума. Может быть, поэтому, когда Белл в очередной раз поддразнил её обещанием научить управлять виверной, а потом посмеялся и отправил заниматься со «своей зверушкой», как выражался брат, Ингрид не выдержала.

Что может быть сложного в управлении виверной? Она отлично держалась в седле наземных животных. Отец даже подарил ей редкого прирученного ящера на двадцатилетие – одного из тех, которыми пользовались в своих подгорных туннелях дроу.

Потом уже Ингрид подумала о том, что, возможно, не стоило втягивать в свою личную месть брату Раймона. А тогда ей просто нужна была поддержка – и кто мог стать лучшей поддержкой, чем обязанный всем полуэльф?

В том, что Раймон последует за ней куда угодно, Ингрид не сомневалась. Этот задумчивый, будто застывший взгляд она ловила на себе уже не раз и прекрасно знала, что он означает.

Кто же мог знать, что Раймон пойдёт в своей преданности до конца? Впрочем – и думая об этом Ингрид с особой яростью впивалась в кончик карандаша, который грызла всё утро – всё она отлично знала. На то, по большому счёту, и надеялась, что отвечать перед братом самой не придётся.

А теперь Раймон сидел внизу вместе с пленными, а Ингрид противно грызла изнутри чувство вины.

Дождавшись, пока наставник закончит свою лекцию, Ингрид демонстративно прошла мимо брата, даже не глядя на него, и принялась спускаться вниз. Она шла медленно, не зная толком, что собирается сказать. Уже на первом этаже её осенила внезапная мысль, и Ингрид свернула в боковой коридор.

Раймон не сразу понял, что значит, «клетки для зверья». Смысл сказанного стал ему ясен, только когда Марлин передала его на руки двум суровым эльфам, с ног до головы закованным в сталь, и те, проведя мальчика в самый центр залитого солнечным светом двора, открыли решётчатый люк в земле и спихнули его внутрь.

Раймон едва успел выставить перед собой руки, и, падая, всего лишь больно ударился о землю локтями. Люк тут же закрылся, а мальчишка понял, что в том месте, где он оказался, он не один.

Раймон торопливо перевернулся на спину и огляделся по сторонам. Глаза не сразу привыкли к темноте, и когда он, наконец, смог разглядеть фигуры, надвигавшиеся на него из мрака, те уже сомкнули круг.

– Человек, – выдохнул один.

– Или эльф, – добавил второй.

– Тебе не всё равно? – добавил третий. – Главное, что еда...

Раймон попытался отползти назад и понял, что уткнулся лопатками во что-то мягкое.

Рывком повернув голову, он обнаружил, что это сапоги ещё одного из хищных существ, окруживших его.

– Эльф вкуснее, – ответил уже знакомый голос.

– Тоже мне гурман, – фыркнул кто-то из толпы.

Кто-то поднял Раймона за плечи, заставляя встать на ноги, и тут же кольцо противников сомкнулось.

– На всех не хватит, – сказал кто-то.

– А мы его подготовим, – ответил ещё один голос.

Чьи-то руки слегка обняли Раймона за плечи и заползли под рубашку.

– Ты как предпочитаешь, еда, сладко или больно? – руки сползли вниз и сжали его задницу.

В этот миг Раймон запаниковал. О том, что можно делать с мужской задницей, он только слышал, но рассказы ему абсолютно не нравились.

– А ну спать, – рыкнул новый, женский голос, когда руки уже принялись стягивать с него штаны.

Секунда – и чудовище, лапавшее его сзади, оказалось отброшено в сторону.

Раймон едва успел заметить, как точно так же прочь полетело второе.

А затем новая рука коснулась его. Он увидел, как задымились тонкие пальцы с обломанными ногтями, державшие его за освещённое солнцем плечо.

«Вампиры», – только теперь мысль оформилась до конца, и Раймону стало по-настоящему страшно. Полуэльф отлично знал, как готовят вампиры своих жертв, чтобы насытить их кровь силой и получить от неё максимум жизненной энергии.

Тонкие пальцы рванули его в сторону, в темноту. Раймон быстро заморгал, стараясь привыкнуть к новому освещению, и через несколько секунд различил контуры лица с острым чуть раздвоенным подбородком. Волосы державшей его вампирши свисали по обе стороны от лица грязной паклей, так что Раймон не мог угадать их цвет. Как разглядел Раймон ещё через некоторое время – щёки запали, а губы истончились. И только глаза на ссохшемся лице казались молодыми. Они были бледно-зелёными и даже сейчас едва заметно светились изнутри.

– Кто ты?

Раймон обнаружил, что голосу, говорившему с ним, просто невозможно не ответить. Вампирша выглядела потрёпанной, как старый башмак, побывавший в пасти сторожевого пса. Изодранная в клочья сорочка почти не скрывала бледной груди, а мятый зелёный камзол покрывали бурые пятна. Вопреки внешности говорившей и месту, где они встретились, этот голос оставался мягким, чуть бархатистым и абсолютно спокойным. Теперь Раймон с трудом мог поверить, что именно это существо только что раскидало своих собратьев.

– Р-раймон... – выдохнул юноша, заставляя себя не дрожать от страха.

– Я спросила: «Кто ты?» – повторила вопрос вампирша, и теперь в её голосе чувствовалось лёгкое раздражение. – Тебя бросили нам как подачку, или ты шпион?

– Что?.. Нет... я не знаю... Мы... Я... Я просто немного провинился. И Белл... Сын главы дома, господин Белл, он приказал бросить меня к... – мальчик запнулся, не решившись повторить последние слова Белла.

– Понятно, – вампирша убрала руку и бросила косой взгляд на своих сокамерников.

- Всё-таки еда, Свеа! - сообщил один из них, сидевший прямо на грязном полу.

- Если и так... Ты же не хочешь отравиться?

По рядам вампиров прошёл нестройный гул.

- Он не может тебе врать, - добавил другой.

- Я бы не была так уверена, - отрезала та, кого звали Свеа, и снова повернулась к Раймону. Некоторое время она просто молча вглядывалась в глаза полуэльфа. - И всё же: кто ты? - спросила она. - Для воина ты слишком мал.

Раймон пожал плечами. Поджал губы. Врать он и правда не мог. Но и что ответить - не знал.

- Тауфин сказал, что я его приёмный сын.

- И он швырнул приёмного сына на съедение пленным?

- Не он... Белл...

- Да... Сын главы дома. Твой брат, - Свеа усмехнулась и сложила руки на груди. - Так к кому же он велел тебя бросить? Как он нас назвал, Раймон?

Мальчик сглотнул.

- ... к другому зверью, - выдавил он, чувствуя, что рот открывается сам собой.

- Похожи? - Свеа улыбнулась.

Раймон покосился на вампиров, скрывшихся в темноте.

- Они просто голодны, - сообщил Свеа спокойно. - Нас не кормят почти неделю. Не каждый может это вынести. Неделю назад нам швырнули вниз поросёнка, но мы не едим свинину. Для нас это куда хуже, чем для тебя, к примеру, крысятину.

- Вы едите людей, - сказал Раймон, стараясь сделать так, чтобы голос не дрожал.

- Такова наша потребность, - кивнула Свеа. - Но я бы не сказала, что мы вас едим. Люди приходят к нам сами, сами берут нашу силу и отдают взамен кровь. Так же делают и эльфы. А нам просто нужно жить.

Слова вампирши звучали не очень убедительно, но на её стороне была сила - и всё же она ей не пользовалась.

- Вы...

Мальчик замолк.

- Договаривай, - Свеа усмехнулась. - Хочу знать, как ты это назовёшь.

- Вы съедите меня? Убьёте?

- Не съедим и не убьём. Но, думаю, ты должен понимать, что раз уж попал сюда - для нас это отличная возможность.

Раймон сглотнул.

- А вы... вы... будете меня готовить?

Свеа окинула Раймона оценивающим взглядом и криво усмехнулась.

- Вообще я бы не против. Но боюсь, толку от этого будет мало. Ты перепугаешься вдрызг, а силы я тебе всё равно не передам - лишней у меня нету.

- Вы боитесь, что я буду звать охрану, - Раймон заметно осмелел, обнаружив хоть один способ давления на собеседницу.

Свеа помолчала.

– Я просто не хочу принуждать, – сказала она спокойно. Взгляд её зелёных глаз встретился со взглядом чёрных глаз Раймона. Раймон понял, что Свеа так же, как и он, не знает, придёт ли охрана на его зов. Но никто из них не хотел проверять.

Ответить Раймон не успел. Сквозь решётку вниз упал маленький камушек, и послышался негромкий нежный голос:

– Раймон! Пс!

Раймон вздрогнул, узнав говорившую.

– Ингрид? – он торопливо встал под решётку. – Ингрид, ты выпустишь меня?

Ингрид замешкалась.

– Я не могу, – сказала она тихо. – Не могу, Белл узнает... Раймон, отец вернётся через две недели. Он его накажет, обещаю.

– Через две недели, – медленно повторил Раймон, и взгляд его невольно наткнулся на стоящую в углу Свеа. По спине пробежал озноб.

– Раймон! – снова услышал он голос Ингрид. – Прости, что не заступилась. Мне... стыдно.

Раймон не ответил. Ему казалось, что он тонет в гипнотизирующем взгляде бледно-зелёных глаз.

– Раймон! – новый камешек упал вниз и больно стукнул Раймона по плечу, выводя из транса. – Раймон, готовь руки, я принесла тебе булочек. Ничего другого не нашла.

Раймон послушно протянул руки перед собой и увидел, как сквозь бреши в решётке в его ладони по верёвочке спускается змейка из золотистых полукруглых хлебцев. Когда последняя оказалась у Раймона в руках, Ингрид обрезала верёвочку.

Раймон поднял глаза, вглядываясь во взъерошенную голову с глазами в пол-лица. Оттого, что Ингрид нависла над решёткой вниз головой, коса растрепалась, и пушистые локоны окружили контур головы солнечным ореолом.

– Я приду завтра, Раймон, – сказала она виновато, и Раймон понял, что не может злиться. – Каждый день буду приходить, хорошо?

– Хорошо, – Раймон кивнул.

– Тс... Идут... – голова Ингрид бесшумно исчезла, а Раймон торопливо принялся прятать булки запазуху. Закончив, он обнаружил, что Свеа стоит в шаге от него.

Раймон сглотнул.

– А если я откажусь? – спросил он.

Свеа кивнула на сидевших на полу и сверкавших голодными глазами сокамерников.

– Я тебя не убью, – сказала Свеа спокойно и ласково отбросила прядку волос, закрывавшую ухо Раймона. – Расслабься, это может быть приятно.

Ингрид выполнила обещание. Каждый день она приносила булочки, конфеты и сладкий напиток из лесных ягод. Каждую ночь Раймон убирал в сторону волосы и позволял Свеа надрезать зубами кожу на своей шее.

А через две недели вернулся Тауфин. Когда решётка открылась, и в проёме показалась встревоженная голова Ингрид, Раймон уже не мог встать – голова кружилась, и кровь не успевала восстанавливаться.

Свеа приподняла лежащего на земле юношу, осторожно помогая ему встать. На секунду она заключила Раймона в кольцо своих рук.

– Ты был вкусным, – сказала она тихо, и Раймон вздрогнул. – Спасибо.

Из груди Раймона вырвался истерический смешок.

– Если ты будешь в Империи – обратись в семью Ламии и спроси Свеа. Я помню тех, кто мне помог.

Она подтолкнула Раймона к пятну света, и тут же сверху протянулись две пары рук. Раймона вытащили на поверхность, солнце ударило ему в глаза. Тонкие руки Ингрид оплели его шею, а на плече оказалась пушистая голова. Раймон едва не падал с ног, а теперь на него навалилась тяжесть ещё одного тела, но он лишь крепче сжал зубы. «Если уж терпел две недели – глупо будет показать слабость теперь», – подумал он и чуть заметно обнял тёплое тело Ингрид в ответ.

– Мой Раймон, – выдохнула Ингрид. А Раймон стоял, заново привыкая к яркому солнцу и голубому небу.

– А что будет с Беллом? – спросил Раймон, когда охранники, наконец, ушли, и полуэльф, стараясь не заваливаться на бок и придерживая одной рукой льнувшую к нему Ингрид, двинулся в сторону башни.

– Он наказан. Отец запрещает ему идти на Бал Весенних Листьев.

– Ясно, – Раймон стиснул зубы

Знал ли Белл, что внизу его будут ждать вампиры? В этом Раймон не сомневался. А мог ли он предположить, что извечные враги и захватчики не сожрут его с потрохами? Ответ на этот вопрос у Раймона тоже был.

Добравшись до своей спальни, расположенной по приказу Ингрид рядом с её собственной, Раймон не выдержал и упал на кровать. Он проспал почти сутки, не заметив, когда ушла Ингрид, и проснулся от того, что эльфийка трясла его за плечо – пора было отправляться на занятия.

Тем же днём Раймон услышал разговор прислуги о том, что «звери» выбрались и яма пуста.

Ингрид как и прежде не отходила от Раймона ни на шаг. Те две недели, когда она оказалась лишена своего вечного спутника, показались ей вечностью, но свою идею с вивернами она так и не оставила – и вскоре Тауфину пришлось подобрать детям ещё одного учителя. Белл презрительно прогуливал занятия по верховым полётам, в то время как Ингрид и Раймон предпочитали их всем другим наукам. Когда они научились управлять животными достаточно, чтобы не бояться упасть, то стали целыми днями пропадать в небе, обгоняя друг друга и спускаясь вниз только чтобы посмотреть на мелькающие вдалеке реки, башни и леса.

Шли годы, и в доме бессмертного владыки Тауфина ничего не менялось. Мальчики выросли – но куда медленнее, чем их сверстники-люди. Ингрид выросла вместе с ними.

Только теперь Раймон по-настоящему понял течение своей жизни, до сих пор казавшееся ему слишком медленным по сравнению с жизнью людской. Он постепенно забывал труппы и подвалы Дорлифена, полностью погружаясь в мир полупрозрачных башен сумеречных эльфов. Их история становилась его историей, и только неизменные стычки с кузенами напоминали о том, что он – не один из них. К нему никогда не решались подходить в присутствии Ингрид, но стоило юной Хранительнице отойти хоть на шаг, как братья находили повод для ссоры. Но случалось подобное настолько редко, что Раймон мог спокойно не обращать на это внимания.

Он, наконец, почувствовал себя сыном могущественного и заботливого отца. Тауфин никогда не обходил его подарками или вниманием. Раймон занял место старшего, погибшего на границе сына Владыки, хотя сам и не знал о его существовании.

Глава 4. Долина цветов

С каждым годом взгляд Раймона становился всё задумчивее. Иногда ему казалось, что Ингрид отвечает ему такими же долгими задумчивыми взглядами – а потом полуэльф смеялся сам над собой, глядя в зеркало, с силой сдавливал слишком широкий подбородок, которому никогда не сравниться с точёными чертами истинных эльфов.

В глубине души Раймон знал, что даже будь он первым красавцем в окрестностях башни Синего Дракона, Ингрид никогда не стала бы принадлежать ему – между ними лежала пропасть. Хоть дом Синего Дракона и ослаб, первым принимая на себя удары Империи, он всё ещё оставался одним из древнейших среди сумеречных эльфов. Обыкновенные чистокровные эльфы не смели и взгляда поднять на то чудо, которое все свои дни проводило с ним, полукровкой.

Раймону оставалось лишь наслаждаться тем, что у него уже есть.

Время в доме сумеречных эльфов текло медленно и плавно – не в пример тому, как бежало оно в городе людей. Череду дней сливалась в один тягучий поток, накрывавший Раймона с головой и лишь изредка выбрасывавший на берег.

А Ингрид всё чаще пропускала занятия и всё дальше улетала от дома на отцовской виверне, неизбежно заставляя следовать за собой и Раймона.

– Посмотри, – сказала она как-то, когда они приземлились на вершине поросшего травой холма.

Ингрид ткнула пальцем вниз, в долину, покрытую ковром сиреневых и оранжевых цветов.

Раймон тоже спешил и замер ненадолго, любясь стройной фигурой, одетой лучами закатного солнца. Ингрид казалась древним божеством в своей белоснежной мантии Хранительницы, с волосами, растрепавшимися под порывами небесного ветра.

Полуэльф и сам не заметил, как оказался в шаге от своей названной сестры. А очнувшись от дурмана, увидел, что его руки лежат на тонких плечах, и Ингрид послушно льнёт к его груди.

Секунду Раймон просто вдыхал запахи прижатого к нему тела – дорогих благовоний и дикой травы.

Он собирался отстраниться, но не успел – Ингрид перехватила его руку, прижимая крепче.

– Эти цветы растут здесь с тех пор, как сумеречные эльфы пришли в эти места. Долгие годы мы скитались по горам и пустошам. Многие из нас умирали, как умирают теперь на войне наши близкие. Когда мы пришли в Долину Цветов, солнце обожгло обветренную кожу наших предков, и они упали на колени. Опускались сумерки, и тёплый ветер колебал обрывки их одежд. Это то место... где всё началось. Прошли века, и мы так редко приходим сюда. Мы забыли, кто мы. Кровь драконов для нас – лишь способ утвердить свою власть. Но когда кто-то из нас устаёт жить – он приходит сюда и засыпает среди цветов. Всё кончается там же, где началось. Таков закон времени.

Ингрид замолкла. Она была не похожа сама на себя, но Раймон чувствовал, что слова рвутся откуда-то из самых глубин её души. Что творилось в голове у сестры? Этого Раймон никогда не мог понять. Он облизнул губы, размышляя над ответом, но Ингрид внезапно резко рассмеялась и откинулась назад, на грудь полуэльфа.

– Так говорит наставник. Представляешь, какие глупости мне приходится слушать всю жизнь?

Раймон не ответил. Он на секунду сжал плечи Ингрид ещё крепче, стараясь насытиться случайно дарованным теплом.

– Идём, – Раймон сам удивился тому, как сухо звучит его голос. Он резко отстранился от сестры и шагнул к виверне. – Не вернёмся до темноты – отец будет недоволен.

– Вернёмся? – Ингрид обернулась и с деланным удивлением подняла брови. – Но я не собираюсь домой. Отец отправился с ревизией на границу. Раньше завтрашнего вечера он не возвратится, а отчитываться перед Беллом я не стану.

Раймон глубоко вздохнул. Вот оно что. Полуэльф не раз уже замечал, что Ингрид бес вселяется, если Белл остаётся в доме за главного. Она точно пыталась доказать что-то брату, вот только что можно доказать, творя глупость за глупостью – Раймон не понимал.

– Ингрид, – он обернулся и устало посмотрел на сестру, не убирая ладони с шеи виверны. – Белл скажет отцу, и нам опять достанется. Зачем злить их лишней раз? Мы можем прилететь сюда в любое другое время.

– В любое другое? – Ингрид шагнула к Раймону и опустила пальцы ему на грудь, заставляя волны дрожи разбежаться в разные стороны. – Эта ночь не хуже любой другой, Раймон, – она ловко скользнула пальцами под рубашку полуэльфа, заставляя пуговицы расстёгиваться одну за другой. – И он не посмеет меня наказать.

Раймон сглотнул. Он и сам знал, что Ингрид не накажут. Наказывали всегда его – даже если наказывал Тауфин. Но так трудно было заставить себя думать о чём-то, кроме этих тонких пальчиков, скользивших по груди.

– Ингрид... – выдохнул он и замолк.

– Скоро мне исполнится девяносто, – продолжила Ингрид, не замечая ни слов, ни тяжёлого дыхания Раймона. – Отец начнет подбирать мне супруга, потому что я не наследница, а дому нужны сильные союзники.

Её ладонь скользнула обратно вверх, другая присоединилась к ней, и рубашка Раймона мягкой волной осела на землю.

– Я даже не знаю, кто это будет, – продолжала Ингрид спокойно, но когда она подняла глаза на брата, Раймон увидел, что в зрачках эльфийки плещется страх. – Сумеречный или лунный... Много старше меня или совсем дитя. Я буду отдаваться ему, потому что я младшая дочь. И потому что я красива, как луна – все знают об этом. Из меня не выйдет воина. Да и Хранительница я не такая сильная, чтобы войти в совет. Моё тело – вот и всё, чем я могу послужить семье.

Не выдержав, Раймон с силой стиснул плечи Ингрид и впился губами в её губы, заставляя замолчать. Ингрид ответила охотно, раскрываясь навстречу и лаская Раймона мягким податливым языком.

– Проклятье, – выдохнул Раймон, отрываясь от сладких губ и только потом вспоминая, что ругаться при Ингрид нельзя. – Что ты делаешь со мной?

– Что Ты делаешь со мной? – Ингрид мотнула головой, становясь похожей на духа морозного ветра – всклокоченного и растревоженного. – Я всегда знала, что буду принадлежать тому, на кого укажет отец. Но вот ты здесь... И я хочу принадлежать только тебе. Только тебе – полукровке и названному брату. И мне

плевать, что он скажет.

– Тебе всегда было плевать, – выдохнул Раймон, не замечая, как крепче сжимаются его пальцы на тонких плечах.

– Не болтай, – Ингрид плотнее прижалась к телу полуэльфа. С годами кость эльфийки не стала грубее, плечи же Раймона, напротив, всё более походили на человеческие, и ощущение странной дикой силы, исходившее от него, будило непривычную жажду в груди Ингрид.

– Ты хочешь того, чего у тебя нет, – Раймон почувствовал болезненный укол у самого сердца, когда произносил эти слова. Он знал, что прав, но отказать доверчиво трущимся о него бёдрам не мог. Дрожащие руки полуэльфа оказались на вороте платья Ингрид и принялись торопливо его расстегивать, путаясь в крючках. Сбросив ткань на землю, он вздёрнул Ингрид вверх будто пушинку – так, чтобы тонкие косточки на нежной шее оказались у самых его губ, и принялся покрывать торопливыми поцелуями. Утолив первую жажду, отпустил расслабленно повисшую на его плечах Ингрид. Секунду смотрел на обнажённое, стройное будто стебель тростника тело. Что-то было странное в этом. Будто он имел дело с духом или фарфоровой куклой, но желание пересилило, и он помог Ингрид улечься на траву, а затем принялся покрывать поцелуями белоснежную грудь. Добравшись до маленькой впадинки пупка, он замер, медленно трезвея. Ингрид была совсем близко, а там дальше между её бёдер таилось то, чего Раймон не пробовал никогда – и чего не пробовала Ингрид. Ему, полукровке, было всё равно. Но что сказал бы Тауфин, узнав, как отплатил за гостеприимство его приёмный сын?

– Раймон? – Ингрид приподняла голову, заметив, что Раймон не двигается.

Будто неживой, Раймон опустил пальцы на грудь Ингрид. Снова прильнул губами к нежному телу, старательно выискивая те точки, которые заставят Ингрид застонать, и вскоре преуспел. Пальцы полуэльфа скользили по белоснежной коже, постепенно спуская вниз, пока не проникли между её ног. Движения полуэльфа ускорились. Ингрид уже стонала в голос, когда ритм достиг предела, и она изогнулась терзаемая оргазмом.

Секунду Ингрид лежала неподвижно, пытаясь отдышаться.

– Я не этого просила, – сказала она, резко впиваясь пальцами в затылок Раймона и заставляя приподнять голову.

– Не надо, Инг.

Ингрид тут же оттолкнула полуэльфа в сторону и принялась одеваться.

Раймон тоже подобрал рубашку и принялся застёгивать пуговицы. Теперь он видел, что дрожат пальцы Ингрид. Эльфийка была напугана. Или попросту зла. Злую Ингрид Раймон видел редко, но ничуть об этом не жалел.

Ингрид молча подошла к виверне и вскочила в седло. Не дожидаясь, когда Раймон последует за ней, она рванула в небо, наслаждаясь ледяным ветром, бьющим в лицо. Первый раз она предложила себя – и была отвергнута так открыто. Гордыня терзала сердце эльфийки ледяными когтями. Она могла выбрать любого. Любого из самых красивых сыновей дома Синего Дракона. Но она хотела полукровку – жалкую и случайную находку отца, которую пригрела рядом с собой. Вот только полукровка. Не хотел. Её.

Раймон нагнал Ингрид уже на посадочной площадке. Протянул руку, чтобы остановить, но Ингрид обернулась молниеносно, будто готовилась к удару, и голубые глаза обожгли полуэльфа таким холодом, какого не встретишь самой суровой зимой.

Ингрид отвернулась и молча пошла прочь. Раймон выждал немного и направился следом.

В башне царил странный переполох. Слуги и стража носились в разные стороны, но Раймон не сразу заметил неладное – лишь когда Марлин перегородила дорогу Ингрид и что-то закудаhtала.

Раймон разобрал только два слова, от которых озноб прошиб его с ног до головы: Тауфин мёртв.

Глава 5. Выбор

Вереница домочадцев тянулась к хрустальному алтарю, на котором возлежало неподвижное тело Владыки дома Синего Дракона, Тауфина.

Во всех помещениях царил полумрак. Окна и зеркала были занавешены, цветной камень стен, казалось, потускнел.

Ингрид едва могла заставить себя оставаться в комнате – как старший Хранитель Дома она обязана была провести церемонию над телом погибшего и всю следующую ночь бдеть, охраняя бранный сосуд его тела от гостей из Преисподней.

Ингрид обшарила взглядом очередь, выстроившуюся, чтобы проститься с покойным. Раймон почему-то стоял в самой середине, хотя как сын владыки должен был подойти к нему одним из первых. Ингрид попыталась поймать взгляд своего вечного спутника, но не смогла. Раймон смотрел в одну точку и, казалось, отсутствовал. Ингрид отвернулась и тоже стала смотреть перед собой. Ей не было грустно от того, что она потеряла отца. Странно, но это событие она приняла как данность. В тринадцатую ночь лета бессмертный Владыка дома Синего Дракона принял удар тёмного клинка и отправился к Предкам. Так же, как до этого отправились к Предкам мать, дядя и брат. Ингрид не слишком интересовали подробности. Она знала: граница – это опасно.

Куда больше Ингрид терзали мысли о том, что ждёт её впереди. Такая спокойная и размеренная жизнь внезапно раскололась на две части, и Ингрид могла лишь просить Духов, чтобы новая часть не была хуже прежней.

Раймон тоже не питал излишних надежд. Однако времени подумать о том, что будет дальше, у него ещё не было. Всю ночь он не спал, пытаясь смириться с мыслью о том, что Тауфина больше нет, но по-прежнему не верил. Уже остановившись у мёртвого тела, он долго смотрел в спокойное, озарённое внутренним светом лицо. Казалось, Тауфин вот-вот поднимется и объявит всё происходящее фарсом.

Раймон видел смерть. Это всегда были чужие, грязные люди, убитые в подворотнях за гроши. Только однажды это была мать – но она была стара, долго страдала, и смерть стала для неё избавлением от вечных мук голода и холода.

Тауфин был другим. Он был вечным, как стены башни, в которой он царствовал. Он был крепким и сильным. И он стал Раймону отцом. Настоящим отцом, на чью силу и справедливость Раймон всегда мог положиться. Да, Тауфин наказывал его, и куда чаще, чем избалованного младшего сына. Но Раймон никогда не чувствовал обиды на отца – почему-то полуэльф всегда твёрдо знал, что именно его долг остановить Ингрид, если та заиграется. И Тауфин будто соглашался, что эта ответственность лежит на его плечах. Он доверял Раймону, и поэтому спрашивал с него больше, но несправедливости в его решениях не было никогда.

Тауфин стал для Раймона светом. Ярким и тихим солнцем, неспешно плывшим над его жизнью. Теплом, согревшим его в трущобах. Порой Раймону казалось: всё, что происходит с ним – просто сон. Ещё чуть-чуть – и он очнётся у стены припортового кабака, а глаза как прежде будут мутиться от голода. Он просыпался – и ничего не менялось. Башня, Тауфин и Ингрид – все они были на своих местах.

Теперь что-то рухнуло в привычной картине мира. Тауфина не было, и разум не хотел смириться. Поймав на себе раздражённый взгляд одного из кузенов, Раймон сделал над собой усилие и коснулся губами холодного лба Владыки.

– Прощай, отец, – прошептал он и, возвращаясь в тиски обязательного ритуала, пошёл прочь, к выходу.

Остаток дня Раймон сидел на стене, окружавшей башню, и смотрел вдаль, туда, где бессмертного Тауфина настигла смерть.

А на следующее утро Белл собрал домочадцев в зале, где когда-то Раймона принимали в семью. Он сидел в кресле, принадлежавшем отцу, и Раймон поминутно сжимал кулаки, стараясь сдержать непрошеную ярость. Ингрид стояла рядом – и в то же время так далеко. За всё утро она ни разу не заговорила с Раймоном. Под глазами Хранителя залегли глубокие тени – бессонная ночь давала о себе знать. В первую секунду, когда сестра показалась в дверях, Раймон ощутил почти непреодолимое желание обнять её и погладить по растрепавшимся волосам – но вокруг были люди, да и Ингрид вела себя так сдержанно, будто видела Раймона в первый раз.

Белл начал длинную и наполненную пафосом речь о враге, который подобрался к сумеречному народу слишком близко. О последних его стражах – воинах дома Синего Дракона. Слова его могли бы быть смешны, если бы их не наполняла сила древней крови, заставлявшая натянутую струну в груди каждого вибрировать при звуках голоса Владыки. Но даже магия Древних не могла победить злость, накрепко утвердившуюся в сердце Раймона. При каждом упоминании «хищных тварей», пришедших украсть покой сумеречного народа, Раймон вспоминал вымотанное и исхудавшее лицо Свеа. Да, они были врагами. Но они не убивали братьев. Напротив, пленные держались вместе, и даже когда голод настиг их, оставались заодно.

– Все вы можете идти. Я прошу остаться леди Айниру, мою сестру Ингрид и полуэльфа Раймона.

Раймон вздрогнул. Титулы, присвоенные каждому из них, уже говорили о многом. Вот только зачем он нужен был в этом кругу, если был для них всего лишь «полуэльфом»?

Выбора, впрочем, не было. Раймон остался стоять неподвижно, дожидаясь, пока эльфы младших ветвей покинут зал.

Леди Айнира так же молча стояла справа от трона, на том месте, которое занимала уже много лет – а может быть, и веков.

Белл встал, точно ему неуютно было сидеть под её пристальным взглядом, и, сложив руки на груди, уставился в пол.

– Все мы понимаем, – сказал он, – что после смерти отца Дом не останется прежним.

Ответом ему стала тишина. Видимо, это в самом деле понимали все.

– Полагаю, – он сверкнул глазами в направлении Айниры, – найдутся те, кто считает свои права на титул Владыки более законными, чем мои.

– Я чту завещание Тауфина, – сказала Айнира спокойно. – В тот день, когда мои дети перестанут считать тебя своим господином, мы покинем этот дом. Но

рушить то, что построил мой брат, я не собираюсь.

– Я рад, – сухо ответил Белл и перевёл взгляд на Раймона, а затем на Ингрид. – Я тоже чту завещание отца. Ты знаешь, Ингрид, что его волей было заключить брак между тобой и кем-то из дома Саламандры.

Ингрид заметно побледнела.

– У тебя будет выбор, сестра. Так хотел отец, и я тоже считаю это справедливым. Дом Саламандры велик, и вскоре тебе предстоит познакомиться с детьми из старшей ветви.

Сердце Раймона неприятно кольнуло, когда он увидел, что Ингрид вздохнула с облегчением.

– Но помни, – повысил голос Белл. – Я – глава дома. Моя воля так же неоспорима, как была воля отца. Если ты забудешь об этом, мне придётся принять то решение, которое будет выгоднее для семьи.

Ингрид стиснула зубы и быстро кивнула.

Белл повернулся к Раймону.

– Ты, – сказал он. На губах его промелькнула лёгкая улыбка, а взгляд стал колючим. – Мой отец назвал тебя сыном, – при каждом слове Белл делал один небольшой шаг в направлении Раймона, и тот с трудом подавил желание отступить назад, когда Белл оказался в нескольких дюймах от него. – Но я никогда не называл тебя братом. Думаю, очевидно, что настолько дикое и грязное существо, как ты, не может претендовать на основание собственной ветви в доме Синего Дракона, а значит, и братом владыки ты быть не можешь.

Раймон до боли впился ногтями в ладони, удерживаясь от желания ударить по самодовольной эльфийской роже.

– Белл, завещание отца, – прозвучал из-за спины наполненный металлом женский голос.

– Я помню, – Белл сверкнул глазами в сторону говорившей и снова повернулся к Раймону, – о завещании отца. Отец хотел, чтобы ты, Раймон, всегда имел кров и ужин в доме Синего Дракона. Но он ничего не говорил о том, что я должен назвать тебя братом. Тебе не место не только на верхних этажах башни, но и среди воинов – в тебе ни капли крови Древних, да и просто эльфийской крови, возможно, всего лишь капля. Ты груб и грязен. Отец считал возможным рисковать репутацией среди других домов, демонстрируя тебя всем, но я – нет. Если хочешь остаться здесь, тебе приготовят комнату на этаже для слуг. И если ты хочешь иметь свой ужин – тебе придётся отрабатывать его, а не развлекаться целыми днями с моей сестрой.

– Белл... – выдохнула Ингрид. Взгляд Владыки плетью скользнул по лицу младшей, и та замолкла.

Белл снова посмотрел на Раймона.

– Ты понял?

Продолжая сжимать кулаки Раймон медленно кивнул.

– Тебя устроит Марлин.

Белл отступил назад.

– Надеюсь, все поняли свои задачи, – сказал он, не глядя ни на кого. – У меня ещё много дел. Но я искренне надеюсь, что все вы скоро привыкнете к новому положению вещей.

Не говоря больше ни слова, Белл вышел.

Некоторое время Айнира стояла неподвижно, затем тоже шагнула к выходу. На полпути, проходя мимо Раймона, она остановилась и провела пальцами по щеке юноши. В глазах её светилась жалость, которой Раймон вынести не мог.

– Ты мог бы стать воином, – сказала она негромко.

– В другой жизни, – Раймон отстранился и отвёл взгляд.

Айнира вздохнула и пошла прочь.

Ингрид вышла молча.

До конца недели Раймон не видел ни Белла, ни Ингрид, ни даже Марлин – никого из тех, кого он привык считать своей семьёй. Заботу о нём поручили хромому эльфу, раненому в одной из стычек с вампирами много лет назад, неспособному больше быть воином и получившему должность управляющего – «в откуп за сломанную жизнь», как говорил он сам. Управляющего звали Дарин, и был он полон желчи, какой Раймон раньше не встречал в доме Синего Дракона. Он ненавидел Белла, то и дело называл Айниру «медузой», не способной отстоять своё, и хотя о временах молодости Тауфина вспоминал с теплотой, частенько обзывал его «кретином», не видящим дальше собственного носа.

Несмотря на постоянное ворчание, Дарин следил за порядком среди слуг, не допускал свар и интриг. Раймону он выделил узкую кровать с изъеденным молью одеялом в общей комнате. Когда-то о таком ложе полуэльф мог только мечтать, но после роскошной спальни на этаже наследников она казалась гнилым топчаном.

Стиснув зубы, Раймон привыкал к новым условиям и строил планы того, как сможет встретиться с Ингрид. Раймон хотел бежать, но один этого сделать не мог.

Поначалу полуэльфу поручили работу на кухне, но очень скоро повара прогнали его прочь – пальцы полуэльфа были слишком толстыми, чтобы работать с украшенными кремом пирожными, которые так любила Ингрид. Он не умел варить даже простейшую похлебку, мясо у него подгорало, а тарелки выскользывали из рук.

Почесав затылок, Дарин определил Раймона на новое место – в стойла для виверн. Теперь в обязанности полуэльфа входило чистить рептилий и сбрую, убирать за ними и кормить их сырым мясом дважды в день. Здесь Раймону было чуть более уютно – он всё же любил давно знакомых летунов и прекрасно

понимал их без слов.

Главный недостаток новой должности обнаружился через несколько дней, когда сыновья леди Айниры собрались на охоту.

Их было трое, и они явно пребывали в бодром расположении духа, когда увидели Раймона, жёсткой щёткой отчищавшего от грязи упругую бархатистую шкуру виверны.

Смех тут же смолк. Раймон, ещё не успевший обернуться, не заметил весёлого перемигивания.

Тамлин, старший из братьев, чуть вышел вперёд и прокашлялся.

Раймон тут же подскочил на ноги и с подозрением оглядел гостей.

- Полукровка... кто допустил тебя к благородным животным?

Раймон промолчал. Отвечать на преднамеренные подколы он не видел смысла.

- После него виверны будут вонять трущобами, придётся чистить самим, - заметил средний, Ланг.

- Да он всё ещё считает себя одним из нас, глядите, - третий, Твен, потянулся к волосам Раймона, по обычаю аристократии заплетённым в свободную косу. Когда Раймон впервые попал в дом Синего Дракона, его волосы походили на щетину ежа - едва скрывавшие кончики ушей, они были криво подстрижены и торчали в разные стороны. Общество Ингрид и старания Марлин сделали своё дело - сейчас чёрная, слегка распушившаяся коса доходила Раймону до бёдер. Сам он не слишком любил с ней возиться, но Ингрид нравилось расчёсывать и перебирать его волосы перед сном, так что отказаться от местного обычая Раймон просто не мог.

Раймон извернулся, отбрасывая в сторону руку Твена, но тут же, оступившись о подставленную ногу Тамлина, едва не рухнул на землю. Перепрыгнув подножку, он всем телом обрушился вперёд, прямо в подставленные руки Твена. Светлое лезвие сверкнуло в воздухе, и Раймон увидел чёрную косу, падающую в навоз.

Раймон стиснул кулаки, но это не помогло. Ярость, сдерживаемая все прошедшие дни, хлынула наружу. Он будто со стороны увидел, как впечатывается его кулак в самодовольную рожу Твена. Как пролетает у него над головой чей-то бирюзовый рукав, и как подошва его собственного сапога с хрустом врезается в колено, закутанное в мантию того же цвета.

Раймон дрался грязно. Все навыки, которым обучили его фехтовальщики дома Дракона, выветрились из головы в один миг – да и вряд ли они помогли бы в такой драке. Он бил ниже пояса, как учили его улицы Дорлифена, выкручивал руки, с наслаждением вслушиваясь в глухие стоны боли, а сам не чувствовал ударов противника.

Раймон пришёл в себя только когда понял, что его вывернутые за спину руки держат двое воинов. Тамлин стоял у дальней стены, потирая ушибленную челюсть. Твен лежал на земле, а рядом с ним сидел порядком удивлённый Ланг.

– Куда его? – спросил один из воинов.

Раймон рванулся, но хватка стража была крепка, а сам полуэльф уже выдохся. Ярость сменилась усталостью и отчаянием. Их было больше. Но даже если он был сильнее, они просто звали на помощь других. Он зло ухмыльнулся, подумав о том, что так было всегда.

– К Беллу! – приказал Тамлин, стараясь не выдать дрожи в голосе.

Сопrotивление не имело смысла. Раймона потащили вверх по лестницам. Боль постепенно просыпалась в местах ушибов, которые, как оказалось, покрывали всё его тело.

Всё было почти так же, как много раз, только теперь его не поставили перед троном, а швырнули на пол, заставляя упасть на колени.

– Что опять? – Белл лишь на секунду отвлекся от бумаг, которые читал, чтобы бросить на него короткий взгляд.

– Драка. С господами Тамлином, Твеном и Лангом.

Белл удивлённо приподнял бровь.

– Он совсем взбесился? – Белл уставился на Раймона тяжёлым взглядом. – Слугу, ударившего господина, в любом доме накажут смертью или изгнанием. Моё милосердие безгранично, помни об этом. – Белл поднял глаза на воинов. – Всыпать ему пятьдесят плетей.

Каждый удар разбегался волнами боли по истерзанному телу.

– Сорок пять, – отсчитывал монотонный голос Дарина, и плеть снова врезалась в изорванную спину.

– Сорок шесть, – Раймон стискивал зубы, чтобы не закричать. Наказание проходило во дворе, над ямой для пленников, и каждый, кто желал, мог увидеть распостёртое на камнях тело юноши.

– Сорок семь, – Раймон уже не мог понять, наваждение это, или в самом деле там, среди праздных зевак – бледное, как снег, лицо Ингрид.

– Сорок восемь, – глухой рык вырывается из горла, и Раймон закрывает глаза, чтобы не видеть этого миража.

– Сорок девять, – кровавые круги плывут перед глазами, и весь мир тонет в боли. Такого наказания он ни получал ещё никогда.

– Пятьдесят.

Свистящий выдох, когда плеть последний раз опускается на измученную спину. Нет сил двигаться и тем более встать.

Сквозь опущенные веки Раймон видел, как медленно разбредаются зеваки. Умереть бы здесь, на холодном камне, влажном от крови....

Ледяные пальцы коснулись обнажённого плеча, и Раймон вздрогнул, резко распахнув глаза.

– Инг...

Ингрид поджала губы. Казалось, её мучили какие-то сомнения.

– Я сейчас вылечу.

Пачкая в крови белоснежные рукава, она принялась водить пальцами над ранами, оставленными плетью.

Раймон замер. Столько раз он представлял себе, как снова увидит Ингрид... Там, в мечтах, он был спасителем, вырывающим нежное тело из рук нежеланного жениха и увозившим прочь в своём седле... Реальность разрывала мечты в клочья так же легко, как кнут живую кожу.

– Инг... – Раймон поймал тонкие пальцы и поднёс к губам. Все слова, подготовленные заранее, выветрились из головы. – Уйдём отсюда, – сказал он просто.

Ингрид замерла.

Отпустив ладонь любимой, Раймон сел и заглянул Ингрид в глаза.

– Уйдём, ведь тебе тоже нечего ждать. Ты не хочешь той судьбы, которую приготовили для тебя отец и брат.

– Не хочу? – на лице Ингрид проскочила тень любопытства, но голос оставался ледяным. – Полагаю, ты считаешь, что я хочу скитаться по чужим городам без денег и еды? Самой стать пищей для вампиров и других чудовищ? Или тебе есть, что мне предложить, Раймон?

Раймон стиснул зубы. Ингрид была права, и они оба это знали. Там, по другую сторону зачарованных стен, Ингрид не было места.

Девушка вырвала руку из ослабших пальцев Раймона и пошла прочь, а полуэльф долго ещё сидел, пытаясь осмыслить всё то, что произошло с ним за последнее время. Может, это и было неблагодарностью по отношению к семье. Может, он и нарушал волю Тауфина... Но оставаться здесь, когда любая попытка дать отпор обидчикам приравнивалась к смерти, он не мог. Не мог он и уйти, оставив Ингрид одну.

Глава 6. Сватовство

Нежелание Ингрид бежать было серьёзной помехой планам Раймона. Нельзя сказать, чтобы и сам он не задумывался о том, что будет делать за стенами башни. Здесь у него, по крайней мере, были еда и кров – слово своё Белл держал честно. То и дело скрипя зубами, Раймон думал о том, как ловко Белл подкупил всех своих врагов. Дети Айниры жили на правах принцев, и мать никогда не решилась бы рискнуть их статусом. Ингрид получала сомнительную возможность выбирать себе жениха – правда, среди тех, кто устраивал брата. Любой же её неверный шаг грозил ей совсем уж нежеланным браком – и ещё один противник Белла не решался теперь бунтовать. Ему, Раймону, Белл предложил то, что, как он считал, должно было подкупить нищего из Дорлифена. Но как бы ни было стыдно за это Раймону, такая плата была для него слишком мала. Теперь, когда он знал, что эльфы не слишком-то отличаются от людей, когда понимал себя и свою сущность, их презрение уже не казалось ему естественным.

Что он сделал, чтобы всегда быть грязью под ногами своих кузенов? Ничего. Его мать не была святой, но даже это – её грехи, а не его.

Лёжа на своей узкой кровати в общей спальне, Раймон сжимал кулаки, но не от бессилия – он с трудом сдерживал ярость.

Белл ясно дал понять, чем закончится новая дерзость со стороны приёмыша. Что ж... Оставались обходные пути, но ими ходить Раймон не любил. Он прекрасно отдавал себе отчёт в том, что ещё одна стычка закончится новой дракой – и либо изгнанием, либо смертью.

Первого и второго Раймон боялся одинаково – потому что знал, что Ингрид не последует за ним. Значит, нужно было переубедить Ингрид раньше, чем случится новое недоразумение.

Как, если его и близко не подпускали к верхним этажам?.. По крайней мере, как гостя. Другое дело, если бы его направил туда Дарин... как слугу.

Раймон усмехнулся собственной мысли и перевернулся на другой бок. Пожалуй, встреча с Ингрид стоила того, чтобы немного погресмыкаться.

Жизнь Ингрид изменилась после смерти отца не столь заметно – и всё же Ингрид не радовали эти перемены.

Белл перестал посещать занятия с наставниками, потому что был полностью занят хозяйственными заботами. Дела, связанные с деньгами и армией, он не доверял никому, а дел было много – за месяц граница придвинулась ближе к башне, чем за прошедшие десять лет. Теперь Ингрид понимала, что стычка, в которой погиб отец, была не случайной. Империя наступала широким фронтом, и без поддержки других домов сдержать её было невозможно – тем более, что дом Синего Дракона лишился своего главнокомандующего, а сын его был слишком склонен к поспешным решениям и не всегда знал цену человеческим жизням.

Ингрид сильно подозревала, что если бы воины не были твёрдо приучены доверять своему владыке и выполнять любую его волю, они восстали бы против Белла. Однако время сейчас было не то, чтобы протестовать, и это понимали все.

Общества Белла Ингрид лишилась и не могла сказать, что не рада этому.

Сложнее дело обстояло с Раймоном. С одной стороны, Ингрид ощутило скучала по товарищу. Иногда сталкиваясь с чем-то новым, она невольно думала: жаль, что нельзя поделиться этим с Раймоном. Но тут же губы её сжимались, вытравливая ненужную мысль из головы. Раймон отказался разделить с ней самое ценное, что могла предложить ему Ингрид. Раймон посмел отвергнуть её, хоть и был неизмеримо ниже многих других, желавших разделить с Ингрид ночь.

И теперь, когда Ингрид так пригодилась бы поддержка названного брата, из-за своей гордыни Раймон оказался далеко. В чём проявлялась эта самая гордыня, Ингрид не смогла бы сказать, но неизменно винила в разлуке именно Раймона.

Белл, в свою очередь, нашёл возможность скрасить одиночество Ингрид. Раз, а то и два в неделю к молодой Хранительнице приезжали гости из дома Саламандры. У Владыки дома было четверо сыновей и две дочери. Ещё трое мальчиков и одна девочка принадлежали к младшей, но также приближённой ветви.

Из семерых юношей двое оказались глупы как пробка – неплохое качество для супруга, по мнению Ингрид, но очень уж утомительное. Ещё двое были изуродованы войной, и именно ими Белл собирался страшить младшую сестру в случае неповиновения.

Оставалось ещё трое. Бальдер, Ахти и Туйонен. Ахти приезжал свататься на прошлой неделе. У него были рыжие вьющиеся волосы, на затылке заплетённые в тонкую косу, а у висков окружавшие лицо солнечным нимбом. Ахти целовал своей возможной невесте руки, но Ингрид видела, что любви в его глазах нет. Он улыбался, но одним уголком рта, а серёжка в правом ухе жениха поблёскивала так же хитро, как и его глаза. И Ингрид решила попросить отсрочки с ответом.

Туйонен принадлежал к младшей ветви. По своим кузенам Ингрид знала, что положение таких детей в доме куда хуже. Кому-то другому оно наверняка подошло бы – но не ей. Она отложила встречу с Туйоненом напоследок, но особых надежд не питала.

Ингрид сидела перед зеркалом, расчёсывая пушистые волосы мягкой щёткой, и ждала, когда слуги принесут весть о приезде Бальдера.

То, что Бальдер ей подходит, Ингрид увидела, едва тот показался в дверях. У Бальдера были густые, заплетённые в искусные косы соломенные волосы, обильно украшенные золотыми прожилками. Он был статен и не слишком высок. Но всё это не имело значения, потому что Ингрид уже увидела его глаза – и

глаза эти загорелись при взгляде на Ингрид.

- Прошу вас, проходите, - Ингрид отложила в сторону книгу, которую и не думала читать.

Подойдя к Ингрид вплотную, Бальдер поклонился. Та лишь слегка кивнула, продолжая сидеть на диване.

Ингрид улыбнулась своим мыслям.

Бальдер ответил улыбкой, решив, что улыбка Ингрид предназначалась ему.

- Что вы читаете? - спросил он.

Ингрид бросила косой взгляд на книгу, стараясь разглядеть название, но отвечать ей не пришлось: взяв томик в руки, Бальдер ответил за неё:

- «Ветры в небе Альтаира». Очень романтическая вещь.

- Да, я тоже так думаю, - ответила Ингрид, улыбаясь. Книгу она взяла в библиотеке по ошибке, когда наставник послал её искать «Легенду о Крыле Альтаира», а вернуть так и не дошли руки.

- Вы любите истории о любви?

Ингрид скромно опустила взгляд, не желая врать.

- Я сразу понял это, едва увидел вас, - Бальдер опустился на корточки перед Хранительницей и попытался поймать её руки.

Прикосновение Ингрид было неприятно. Она вовсе не собиралась идти на сближение так быстро. Пальцы пришлось отобрать, но Бальдер намёка не понял и поймал их снова.

- И мысль моя, свободна и легка,

Бродила по утесам, где, блистая

Лучом зари, собирались облака,

Туманные вершины омрачая,

Косматые, как перья шишака.

А вдалеке, как вечные ступени

С земли на небо, в край моих видений,

Зубчатую тянулись полосой,

Таинственной, синей одна другой*,

- продекламировал Бальдер, задумчиво рассматривая лицо Ингрид и пытаюсь что-то отыскать в её глазах.

- Это из «Ветров», - догадалась Ингрид, и Бальдер кивнул.

- Вы тоже запомнили эти строки?

- Конечно! Это прекрасно! - Ингрид как никогда была рада тому, что кровь её текла медленно, и щёки никогда не краснели.

- А вы хотели бы побывать в тех горах?

Ответить Ингрид не успела. Раздался негромкий стук, дверь открылась, и на пороге показалась фигура Раймона.

Секунду недавние брат и сестра смотрели друг на друга. Затем взгляд Раймона упал на кисти Ингрид, которые сжимал в своих пальцах Бальдер.

Ингрид напряглась как натянутая струна. Мгновение ей владело непреодолимое желание вырвать руки, а затем оно сменилось ледяной яростью.

– Что ты хотел? – спросила она холодно, не отводя пристального взгляда от Раймона. – И как сюда попал?

– Марлин, – Раймон прокашлялся, – Марлин прислала меня спросить, не нужно ли вам что-нибудь, госпожа.

Секунду Ингрид молчала, разрываясь между желанием прогнать не вовремя появившегося Раймона прочь или оставить его здесь. Последнее казалось невероятно соблазнительным, хоть Ингрид и сама не знала, зачем ей это.

– Нам нужны фрукты и вино. Вы будете вино, Бальдер? – спросила она уже совсем другим тоном.

Бальдер несмело улыбнулся.

– Всё, чего захотите вы, – он кивнул.

– Ты слышал, – бросила Ингрид, не оборачиваясь и пытаясь сосредоточиться на лице Бальдера. Это получалось с трудом. Даже когда дверь закрылась, в глазах Ингрид всё ещё стоял заледеневший в мгновение ока взгляд Раймона.

План казался отличным – даже тогда, когда Раймон едва не на коленях убеждал Марлин в том, что не разобьёт ни одной тарелки и не столкнётся ни с кем из обитателей верхних этажей.

План казался отличным, когда она сдалась, и когда Раймон едва не бегом нёсся к покоям своей названной сестры.

Только когда Раймон, от волнения не дождавшийся ответа и вломившийся после короткого стука, увидел на коленях перед Ингрид незнакомого юношу благородных кровей, Раймон понял, что план – дерьмо.

Когда он увидел, как нежно незнакомец сжимает белые запястья, Раймон понял, что план – дерьмо вдвойне.

Но хуже всего был взгляд Ингрид. Никогда ещё Раймон не видел у неё такого взгляда. Ингрид смотрела на него, как на муху, зудевшую над ухом, как на надоедливую собаку, лизавшего сапог.

– Марлин прислала меня спросить, не нужно ли вам что-нибудь, – Раймон не узнавал собственный голос, звучащий будто бы из глубокого колодца, а ответа Ингрид и вовсе дождалась с трудом.

Только оказавшись в коридоре и переведя дыхание, он задумался о том, что, собственно, произошло.

Ингрид была в обществе чужака – но ведь он, Раймон, знал, что Ингрид собираются с кем-то познакомиться. Чужак казался вежливым и обходительным, но руки Ингрид в его пальцах едва не дрожали, и напряжение она могла скрывать от кого угодно, только не от Раймона.

И при этом Ингрид, которая никогда прежде не пила вина, просила его, Раймона, не уходить насовсем, просила его вернуться. Она искала поддержки? Мысль успокаивала и тревожила одновременно. Успокаивала потому, что означала, что Ингрид всё ещё надеется на него. Тревожила, потому что если этот сладкий блондинчик представлял угрозу, то не стоило оставлять Ингрид наедине с ним и на минуту.

Торопливо добравшись до кухни, Раймон сложил на поднос фрукты, о которых просил брат, поставил бутылку вина и, стараясь не попадаться на глаза поварам, засунул за пазуху большой нож для мяса.

Назад вернуться так же быстро не получилось – приходилось следить за подносом. К тому же, Раймон едва не наткнулся на кузенов, весело переговаривавшихся и двигавшихся к лестнице. Проблемы ему сейчас были ни к чему, и Раймон торопливо укрылся за одной из боковых дверей – это оказалась спальня леди Айниры. Хозяйки здесь не было, и Раймон спокойно переждал несколько минут, однако сердце его гулко стучало, а разум рисовал картины, которые он никак не желал видеть.

Наконец, Раймон получил возможность выйти и продолжить путь. Он на секунду остановился у гостиной, где Ингрид принимала жениха, и, не дожидаясь ответа на стук, вошёл.

Бальдер уже сидел на диване рядом с Ингрид, но всё так же сжимал её пальцы. Он что-то рассказывал мягким, на вкус Раймона – слишком уж мягким – голосом. Ингрид выглядела спокойной и довольной. На появление Раймона она никак не отреагировала, как если бы в комнату зашёл обыкновенный слуга.

Поставив поднос на стол, Раймон заколебался, не зная, следует ли ему уйти. Смотреть на то, как мило общаются эльфы, было неприятно. И всё же тревога его не оставляла.

Стараясь потянуть время, Раймон разлил по бокалам вино и отошёл назад, ожидая дальнейших распоряжений.

Ингрид и Бальдер продолжали общаться так, будто Раймон был предметом обстановки.

Разговор шёл о песчаном берегу к западу от башни Саламандры. Бальдер предлагал Ингрид отправиться туда в конце недели, и Раймон скрипел зубами, понимая, что ему предстоит остаться здесь.

Несколько раз взгляд Ингрид скользил по лицу «слуги». Он неизменно останавливался, но Раймон никак не мог прочесть того, о чём думает Ингрид.

А потом в один миг что-то изменилось. В коридоре послышались крики, за окном громынуло.

Со звоном посыпались стёкла из стрельчатого окна, и в помещение рванулась огромная тень.

Не успев понять, что происходит, Раймон рванулся к Ингрид, укрывая ту от летевшего в неё удара – и только потом разглядел расписанный незнакомыми рунами адамантитовый клинок. Лезвие вошло ему в плечо, но Раймон тут же получил возможность перехватить его и, откатываясь в бок, рвануть на себя, выбивая из рук нападавшего.

Краем глаза он видел, как отступает к стене Бальдер. Как отползает назад Ингрид и тянется к посоху, стоящему в углу.

Вырвать клинок не удалось – меч покинул мягкое живое тело, чтобы ударить снова по широкой дуге. Больше инстинктивно, чем рассчитывая на что-то, Раймон выхватил из-за пазухи нож и принял на него удар – железное лезвие разлетелось, но затормозило удар, и противнику потребовалось ещё несколько мгновений, чтобы замахнуться по новой.

Этих секунд у нападавшего не было. Пучок розоватых лучей ударил из-за спины Раймона. Нападавший яростно закричал и попытался отступить назад. Раймон видел, как стремительно загорается плоть противника.

Бальдер, видимо, решившись, наконец, схватил с полки тяжёлый серебряный подсвечник и швырнул его в испускающую дух жертву.

Тело вампира рассыпалось в прах. Несколько секунд стояла мёртвая тишина – каждый по-своему пытался осмыслить произошедшее. А в следующий миг распахнулась дверь, и в комнату ворвался отряд охраны с оголёнными мечами.

– Госпожа Ингрид!

– Господин Бальдер!

– Всё в порядке? – переживало множество голосов.

Раймон зажал рану рукой и попытался встать.

– Что произошло? – спросила Ингрид, пытаясь перекрыть всеобщий гомон.

Расталкивая мужчин, вперёд выбралась Марлин.

– Вампиры. Два десятка. Как будто мало им было господина Тауфина! Охрана уже почти добила их. С вами всё в порядке, Госпожа Ингрид?

Ингрид, уже полностью взяв себя в руки, подошла к Бальдеру и взяла его под руку.

– Всё в порядке, господа, – сказала она и мягко улыбнулась, как подобало Хранительнице. – На нас напали, но господин Бальдер показал себя настоящим воином. Его серебряное оружие принесло смерть проклятой нежити. Прошу вас, уйдём отсюда туда, где мы сможем спокойно переждать атаку.

Гомон стал затихать. Воины один за другим покидали гостиную.

Раймон сидел на полу, прислонившись к сиденью дивана спиной, и ждал, когда Ингрид подойдёт к нему и что-то скажет. Может, не скажет, ведь рядом этот благородный придурок, и Ингрид нужно отстаивать его честь. Может, хотя бы посмотрит с благодарностью – Раймон понял бы самый короткий взгляд.

Ингрид вышла молча. Всё так же поддерживая под руку насмерть перепуганного жениха.

*М. Лермонтов. Тебе, Кавказ, суровый царь земли

Глава 7. Семья

Плечо Раймон перевязывал сам – никто, кроме Ингрид, никогда не лечил его, а обращаться к Хранительнице Раймон не имел ни малейшего желания.

Мысль об уходе терзала полуэльфа всё сильнее. И всё же уйти не прощаясь он не мог. От одной мысли, что он никогда больше не увидит растрёпанную косу с серебристыми прожилками и детскую улыбку на нежных губах, становилось тоскливо. Раймон не мог понять, что ему делать снаружи, если Ингрид останется здесь.

Впрочем, чем больше он представлял грядущий разговор с Ингрид, тем яснее понимал, что это дурацкая идея. Ингрид никогда ничего не обещала – по крайней мере, ему. Она всегда чётко обозначала, кто она, и кто Раймон. «Мой подарок» говорила она, и в этом звучало «моя вещь». И если раньше её слова казались обычной игрой, то теперь только слепой не понял бы их смысл.

Раймон никак не мог заставить себя забыть свои первые встречи с Ингрид. Казалось, Ингрид с тех пор совсем не изменилась. Разве что стала выше на пару дюймов. Она так же улыбалась, так же говорила и так же трепала его по щеке.

Раймон невольно вспомнил, как Ингрид учила его читать. Она не смеялась, хотя могла бы. Как выяснили они с Ингрид потом, они были ровесниками, но если Ингрид уже неплохо знала основные науки, то Раймону предстояло, по крайней мере, освоить алфавит и арифметику. Вряд ли кто-то из наставников стал бы возиться с приёмышем – только Ингрид интересовала его судьба. Она защищала Раймона от братьев в меру своих сил. Порой Раймону было страшнее наблюдать, как Ингрид пытается загородить его своим хрупким телом, чем ввязаться в драку самому.

Всё это никак не вязалось со странным и чужим взглядом, который встретил Раймона несколько часов назад. И ещё больше не вязалось с ложью – Раймон понял бы и не удивился, если бы Ингрид присвоила себе их общую победу. В конце концов, именно её магия спасла Раймона. Но Бальдер не сделал ничего – ровным счётом ничего – чтобы заслужить похвалу.

И какой бы дикой не казалась мысль о вечной разлуке, Раймон не мог заставить себя снова обратиться к Ингрид.

Полуэльф не спал всю ночь, а к утру его дилемма разрешилась – по этажу пошли слухи, что к стенам башни приближается войско вампиров. В первую секунду слова об этом пробежали по телу Раймона горячей волной. Драка была тем, что требовалось ему в этот миг больше всего. Хотелось избить кого-то до полусмерти, а может, и самому испытать такую боль, которая заставила бы забыть обо всём.

Следом пришло запоздалое сожаление – теперь его уход уже не зависел от Ингрид. Бросить родню перед битвой и всю жизнь казниться своим предательством он не мог.

Мысль о забвении понравилась Раймону особенно, и когда он снова услышал перешёптывания, горячая волна оформилась в осознанную идею. Он мог держать клинок. Его учили драться. И своим мечом он мог выплатить последний долг тем, кто стал его семьёй.

Вот только меча у Раймона больше не было – почти все его вещи отобрали, когда он отправлялся на этаж для прислуги.

Впрочем, Раймон почти не сомневался, что Беллу сейчас будет нужна любая помощь.

Поднявшись, Раймон вышел в коридор. Со всех сторон слышался топот ног. Слуги носились по башне, создавая безумную карусель из пляшущих в воздухе цветных тканей.

Раймон добрался до лестницы и стал подниматься вверх. Как он и рассчитывал, охраны у дверей на этажи не было – сейчас всех куда больше волновала предстоящая оборона башни, чем оборона собственных спален.

Раймон остановился у дверей в зал собраний и замер, не в силах заставить себя повернуть ручку. Только раз визит в это место принёс ему благие вести – в самый первый день, когда его принимали в семью. С тех пор его приводили на самую верхушку башни только чтобы наказать. Да ещё, пожалуй, в тот раз, когда Белл объявил о новых порядках.

Зал стал для него дурной приметой, и входить туда не хотелось почти физически – но решение было принято.

Раймон опустил пальцы на массивную рукоятку и медленно повернул. Петли скрипнули, и лучи рассветного солнца, искажённые цветными витражами, упали ему на лицо.

Послышались тихие голоса.

Нет. Всего один голос.

Раймон замер, вслушиваясь. Говорил Белл. Говорил совсем не так, как мог бы говорить перед войском – в его голосе не было пафоса, только колкий лёд и отрывистые интонации человека, который всегда спешит.

– Все уже знают? – спросил он.

– Слухи расползаются быстро, – колокольчиком прозвенел спокойный голос леди Айниры.

– Проклятье, – почти выплюнул Белл.

Наступила тишина.

– Надо было торопиться. Где Ингрид? Она успела дать согласие на брак?

– Бальдер остался ей доволен. Но официальной помолвки не было.

– Всё равно... нужно послать гонцов в дом Саламандры. Пусть Ингрид попросит своего жениха о помощи.

– Нужно, – согласилась Айнира. – Ещё лучше, если она отправится сама. Я не думаю, что ей откажут. Но на это нужно время. А Ингрид могут убить по дороге.

– Само собой. Этого мы допустить не можем. Но и лишних воинов сейчас нет.

– Белл... – Раймон проклял себя за глупость, но сил молчать не было, и он шагнул навстречу повернувшимся к нему лицам.

Айнира выглядела удивлённо.

Белл смотрел с привычным презрением.

– Белл, – повторил Раймон увереннее. – Дозволь мне проводить Ингрид. Ты знаешь, дерусь я отлично. А для ссор сейчас нет времени.

– Ссор? – Белл приподнял брови. – Было бы странно, если бы я ссорился с прислугой, когда у моих стен войско врага.

Раймон сжал кулаки, заставляя себя сохранять терпение.

– Белл, я не хочу, чтобы с Ингрид что-то случилось. Ты сам сказал, воинов мало, будет глупо...

- Не тебе судить о моих решениях, - отрезал Белл.

- Белл! - одёрнул его похолодевший голос леди Айниры, но Белл не обратил на неё внимания.

- Хорошо, - сказал Раймон, опуская голову. Спорить сейчас было глупо, что бы ни мнил о себе Белл, - по крайней мере, дай мне меч, чтобы я мог сражаться за свой дом. Не потому, что признаёшь меня... потому, что я должен отплатить за кров и еду. Не ради меня, а ради жизни нашей семьи.

- У тебя нет семьи.

- Белл! - повторила Айнира легче, и Белл резко обернулся к ней.

- Леди Айнира, сообщите о моём решении Ингрид. Помогите ей собрать самое необходимое и отправляйтесь вместе с ней. Уверен, вдвоём вы сможете укрыться сумраком и добраться до цели. Времени на споры нет, леди Айнира, - добавил он настойчивее, заметив, что Айнира собирается возразить.

Айнира покачала головой. Бросила последний, полный сожаления, взгляд на Раймона и, подобрав юбки, торопливо отправилась прочь.

- Почему? - спросил Раймон, чувствуя, что почти не владеет голосом. - Почему, Белл?

- Потому что так будет лучше для Дома.

- Я не об Ингрид, Белл. Не хочешь доверять мне её - позволь идти в бой вместе со всеми. Это моя семья. Не тебе решать, так это или нет. Я не могу прозябать в погребке вместе с горничными и калеками, когда дом моего отца тонет в крови!

- Он не твой отец, - Белл рванулся вперёд и вцепился пальцами в воротник Раймона. - Запомни раз и навсегда, полукровка. Ты не его сын - и никогда им не был. У Тауфина было два сына. Один погиб как герой. Один остался жить. Тебя. Не было. Среди них.

Раймон не нашёл, что ответить. Глаза Белла сверкали почти осязаемым безумием.

Полуэльф с трудом отцепил пальцы брата и сжал, жалея, что не может сломать тонкие косточки одним движением. Ярость клокотала у самого горла, заполняла грудь тугим чёрным комом.

– Значит, вы – не моя семья? – спросил он тихо.

Несмотря на боль, Белл холодно улыбнулся и покачал головой.

– И я не должен защищать вас до последней капли крови, как учил меня наставник?

На секунду в глазах Белла промелькнуло недоумение, а в следующий миг Раймон выпустил его руку.

– Ты сказал, – бросил он, развернулся на каблуках и, не оглядываясь, пошёл прочь.

Ингрид встретила его двумя этажами ниже. Раймон не сразу узнал непривычно взволнованное лицо.

– Раймон? – Ингрид попыталась опустить руки на грудь полуэльфа, но тонкие запястья внезапно оказались отброшены прочь. – Раймон, Айнира сказала, вы с братом ругались.

– С братом, – повторил Раймон медленно. – Нет, с братом я не ругался.

– Хорошо, – Ингрид с облегчением выдохнула. – Я улетаю в дом Саламандры за помощью. Ты пойдёшь со мной.

Раймон медленно поднял брови. Всё, что он видел, происходило будто бы не с ним. Будто кто-то другой занял его тело, а он парил наверху в тёмном облаке злости и наблюдал за происходящим со стороны.

– Некому чистить твою виверну в пути?

Ингрид нахмурилась.

– Мне не нравится то, что ты говоришь. И я не собираюсь тратить время на уговоры.

– Этого не потребуется.

– Хорошо. Тогда жди меня внизу, у стойла, – Ингрид повернулась к двери, собираясь вернуться в спальню.

– Я ухожу, Ингрид.

Пальцы Ингрид замерли на костяной рукоятке, и она медленно обернулась.

– Уходишь? Куда?

– Не куда, а откуда. В трущобах было честнее, чем здесь.

– Ты не посмеешь, – Ингрид чуть приподняла бровь и холодно улыбнулась.

– Посмею, Ингрид.

– Ты не бросишь дом на краю гибели!

Раймон ничего не ответил. Притянув Ингрид к себе, он сделал то, что хотел сделать уже давно – впился жадным поцелуем в губы сестры, сминая, поглощая, проникая так глубоко, как хотел этого сам. Ингрид сопротивлялась лишь в первые секунды, а затем быстро сдалась и впустила настырный язык, позволяя подчинить себя, но не подчиняясь до конца.

Раймон отпустил её и оттолкнул в сторону. Говорить не хотелось. Он спокойно пошёл вниз, не обращая внимания на суету и крики прислуги. У него не было оружия, а за стенами башни ждал враг, но в эти минуты Раймону было всё равно – жить или умереть.

Ингрид стояла перед зеркалом, разглядывая платье из белого шёлка, подпоясанное серебряной цепочкой. Руки её были разведены широко в стороны, а двое слуг с булавками колдовали над одеждами, предназначенными для свадебного торжества.

Хранительница не обращала на них внимания. Она внимательно изучала своё лицо. На лбу между бровями залегла неприятная морщинка, и это ей не нравилось – отец приобрёл свои первые морщины, когда ему было далеко за четырёста, а у Ингрид противная складочка вылезла уже теперь, когда ей едва перевалило за сто.

Бальдер часто подшучивал, что во всём виноват дурной нрав невесты – впрочем, получив в ответ ледяной взгляд, замолкал и пытался замолить вину поцелуями.

Ингрид вовсе не считала себя капризной. Просто Бальдер часто не мог принять решения сам, и постоянная ответственность частенько угнетала Хранительницу – но она смирилась и старалась радоваться тому, что будущий супруг готов исполнить любое её желание.

Прошло почти тридцать лет с тех пор, как была отбита атака на башню Синего Дракона. Тогда согласие на брак пришлось давать поспешно, и так же поспешно провели ритуал помолвки – а затем сразу же отправились на битву. Зато уж свадьбу Ингрид хотела провести по своему вкусу. С самой границы привезли её любимые цветы. Все девушки дома Саламандры плели венки, чтобы раздать их гостям. Все, кого знала Ингрид, были приглашены, и Бальдер ни разу ей не возразил. Будущий супруг мог бы стать пределом мечтаний, но почему-то день ото дня вино казалось Ингрид горьким, а в сердце поселилась тоска. Она скучала по чему-то, что давно утратила. По свободе, по синему небу, по ветру и верному спутнику, который всегда мог подхватить её и заслонить собой.

От этих воспоминаний становилось ещё горше, но забыть то смутное чувство Ингрид не могла, и это заставляло её хмурить брови и срывать злость на слугах.

Вот и сейчас, устав от однообразной позы, она прикрикнула на нерадивых портных, затянувших примерку, и выставила всех вон.

Ингрид подошла к окну. Шёл дождь. Сплошной стеной с неба лила вода. Странная погода для середины лета, и Ингрид очень надеялась, что к утру дождь закончится, не решившись испортить ей свадьбу.

Хранительница прикинула лбом к стеклу, вглядываясь в непривычный рисунок деревьев за окнами чужой башни. Здесь, в обители Саламандры, было больше скал, и сами здания вращались в каменные кряжи, разукрашивая их причудливым узором.

Сейчас серые глыбы были скрыты водой. Ни звезд, ни луны не было видно за густой пеленой туч, и только редкие всполохи молний освещали горный пейзаж.

Раймон всегда любил такие ночи. Он редко давал понять, что что-то нравится ему лично, всегда выбирая то, что предпочитала Ингрид. Но вот эти дождливые летние ночи, которые случались в их краях совсем нечасто, струи воды повсюду и буйство ветра в кронах деревьев... Он не мог удержаться и выходил во двор, чтобы долго стоять, распахнув объятия навстречу бушующему небу. Ингрид не ходила с ним, но ей казалось, что в такие минуты Раймон улыбался. Улыбки его были так же редки, как эти безумные ночи.

– Раймон, – прошептала Ингрид и закусила губу. Как никогда ясно она ощутила свою тоску.

Очередной зигзаг осветил темноту ночи и исчез.

Ингрид прищурилась. Глаза наверняка лгали ей, но на секунду Хранительнице показалось, что там, под окнами, до боли знакомая фигура стоит, распахнув объятия небу.

Ингрид опустила ладонь на стекло, силясь дотянуться до темноты и ощутить мираж пальцами.

Ещё один всполох вырвал свистящий вздох из её груди. Фигурка стояла всё там же, а рядом с ней – массивная тень виверны под чёрным седлом.

– Раймон, – выдохнула Ингрид громче и, не желая испытывать судьбу, бросилась к выходу, за двери, по коридорам и лестницам, вниз, за ворота...

Хранительница замерла, разглядывая такое знакомое и незнакомое существо.

Казалось, Раймон стал выше. Шире стали его плечи, укутанные чёрным плащом. Вместо привычной простой рубашки Ингрид с трудом разглядела во мраке имперский камзол и закусила губу, чтобы не закричать.

– Раймон... – Ингрид протянула руку, мечтая и не решаясь прикоснуться к призраку своего прошлого.

Раймон молчал. Под глазами его тоже залегли морщины, а взгляд стал тяжёлым, будто одетым в доспех.

Но он пришёл к ней – в этом не могло быть сомнений. Что ещё делать Раймону на земле Саламандры? И Ингрид бросилась на шею к названному брату, покрывая поцелуями его лицо.

Раймон не двигался. Он оттаивал медленно, но, в конце концов, его руки сомкнулись на спине Ингрид и прижали её к груди.

– Ингрид, – произнёс он, когда поцелуи иссякли, и эльфийка отстранилась. – Тебе идёт... это платье.

Ингрид стиснула кулаки, не зная, куда спрятать белоснежные складки свадебного наряда.

– Завтра... – выдавила она и тут же разозлилась, услышав в собственном голосе вину.

– Знаю, – Раймон кивнул.

– Где ты был? Где ты был раньше?

Раймон усмехнулся без всякой радости.

– Помнишь, ты сказала, что мне нечего тебе предложить?

Ингрид отвела взгляд. Она помнила. Она вела себя как трусиха – и знала это сама.

– Я искал... что предложить, – Раймон замолчал на секунду. – Надеюсь, особняка в Гленаргосте будет достаточно, чтобы ты в меня поверила?

Ингрид молчала, и Раймон продолжил.

– Ты будешь представлена ко двору Императора. Никогда не будешь знать ни нужды, ни чужой власти. Я не буду ограничивать тебя ни в чем, и ты будешь моей единственной.

– Я должна ответить сегодня?

– Завтра будет поздно.

Ингрид молчала.

Глава 8. Дорлифен

Свеа сидела в плюшевом кресле, вытянув ноги к огню. Грязь на ботфортах медленно подсыхала и кусками обваливалась на паркет. Уже больше часа она мечтала стянуть с себя ненавистные, насквозь промокшие сапоги и растянуться на кровати, не думая ни о политике, ни о своих сомнительных знакомых.

Уже почти час Данаг, непонятно отчего решивший, что его касаются дела на западном фронте, доказывал ей, что она неправильно ведёт войну. Безусловно, полководец, который уже две сотни лет не мог выкурить дроу из их нор, знал, о чём говорил.

– Данаг, – повторила Свеа упрямо и невольно вздохнула, потому что мысль эту под разным соусом преподносила собеседнику уже не первый раз, – я даже спорить не хочу о том, каковы наши шансы пробить защиту сумрачных. Это сложный вопрос, в котором нужно учитывать очень много вероятностей. Я лично считаю, что мы позарились на слишком большой кусок. Но это не имеет никакого

отношения к тому, что я обязана продолжать войну. Обязана, Данаг, какой бы глупой она ни была. Я понимаю, чего ты хочешь. Чтобы мы перебросили войска в Сумрачные горы.

- Нет, не понимаешь, - попытался отрезать Данаг, но мягкий голос Свеа продолжал литься в пространство, как ни в чём ни бывало.

- Ты говоришь об этом не с тем вампиром, вот что я пытаюсь тебе объяснить. Не я решаю, будет ли продолжаться война. Моё дело - вести её как можно лучше.

- Войну на юге удалось остановить.

- Даже не говоря о том, что Рамангу едва не посадили на кол за своеволие, он отчитывался перед императором - я буду отвечать перед своим сиром. Хочешь что-то изменить, говори с ней.

Свеа потрянула мокрыми волосами и уставилась на Данага в упор.

Наместник восточной провинции был сиятелен и ухожен - как всегда. Хрустальный бокал в его тонких пальцах искрился рубиновым вином, длинные чёрные волосы были безупречно гладкими, так что ни одна прядь не пушилась и не выбивалась в сторону. Камзол из синего бархата лежал идеальными складками, обтекая волной брызги белоснежного жабо.

Свеа вздохнула.

Сама себя она чувствовала промокшей кошкой. Это чувство посещало её слишком часто в последние недели. Три месяца прошло с тех пор, как был взят Дорлифен, и за эти три месяца она провела в полуразрушенном дворце бывшего губернатора не больше пяти ночей. Почти всё время приходилось проводить на передовой, а теперь ещё и редкие вечера, когда выдавалась возможность вернуться в Дорлифен, оккупировал Данаг. Наместник то ли хотел от неё чего-то, то ли попросту не знал, чем себя занять в отсутствие войны. Первое время его общество даже казалось Свеа приятным - Данаг не был слишком уж прожженным интриганом, и рядом с ним можно было говорить вслух многое из того, что Свеа опасалась произнести в семье. Однако вскоре - поняв, видимо, что Свеа сочувствует его идеям, Данаг начал вести откровенную пропаганду ненасилия, причём такую, за которую кто-то менее могущественный вполне мог

бы быть сожжён на солнце.

Свеа неловко ёрзала в кресле, выслушивая очередную тираду о том, что Император занимает свой пост не по праву, вопрошала затянутое тучами небо, за что ей это всё, и всячески старалась сменить тему. Она постепенно начинала понимать, что привело Данага в Дорлифен – очевидно, он повздорил в Гленаргосте с кем-то из приближённых к трону и теперь отсиживался на самой окраине Империи. К счастью, в одиночестве. А впрочем, именно это одиночество, видимо, и стало для Свеа роковым – кроме неё Данагу в городе было попросту не с кем общаться.

Свеа нарочно кривила душой, пытаясь разозлить собеседника, когда намекала на его корыстные мотивы. Хотелось остаться в одиночестве и желательно немедленно.

Впрочем, Свеа быстро поняла, что мечтам её сбыться не суждено. Едва она закончила в очередной раз повторять прописные истины, как в гостиную постучали, и на пороге появился её адъютант, Алмонд. Алмонду было немногим больше двадцати, и Свеа почти не сомневалась, что мальчик приставлен к ней Ламией неспроста. Потому, едва встретившись со взглядом фиалковых глаз, она смолкла, ожидая объяснений.

– Простите, командор. В прихожей какой-то юноша. Он насквозь промок и явно давно уже не выбирался из болота. Он утверждает, что вы примите его.

Свеа свела к переносице тонкие брови.

– Должно быть, кто-то из разведчиков.

Вампирша поджала губы. Никаких отчётов она принимать уже не планировала, тем более они могли закончиться очередной поездкой на границу. И всё же откладывать такие дела не годилось.

– Наместник, – Свеа повернулась к Данагу.

– Я понял, – Данаг кивнул. – Не имею ни малейшего желания при этом присутствовать. Просто помните, о чём я вам говорил...

– Не любую войну нужно выигрывать, – произнесла Свеа в один голос с Данагом.

Данаг усмехнулся.

– Я рад, что вы меня всё-таки слушали.

Когда он вышел, у Свеа было одно желание – швырнуть дорогой кубок о стену, но она взяла себя в руки, решив, что ни кубок, ни стена такого обращения не заслужили.

– Пригласи, – приказала она, последним глотком допивая вино и с тоской глядя на свои грязные сапоги.

Потребовалась пара минут, чтобы незваный гость оказался в комнате. Выглядел он, в самом деле, неважно – впрочем, слово «отвратно» подошло бы больше. Криво обрезанные перепутанные волосы до плеч, вымазанное грязью лицо, некогда дорогая, а теперь изорванная в клочья рубашка. Плаща на парне не было, а сапоги выглядели не менее печально, чем собственные ботфорты Свеа. Теперь командор сильно сомневалась, что это разведчик – разве что бродил он по дорогам слишком долго и попал в неприятности.

– Алмонд, – окликнула Свеа адъютанта, поднимаясь с кресла, – как это понимать?

– Простите, командор, вы сами сказали...

– Твои вести срочные?

Незнакомец явно растерялся, не зная, что ответить.

– Дайте же ему сухую форму и что-то горячее, – продолжила Свеа, не дожидаясь реакции и обращаясь уже к адъютанту. – На улице ночь, и если только войско эльфов не стоит у моих ворот, все мы сможем подождать до утра.

Алмонд поклонился, демонстрируя готовность исполнить приказ, и потянул было пришельца прочь.

– Постой-ка, – произнесла Свеа, удивлённо хмурясь. Она шагнула вплотную к незнакомцу. – Ты не разведчик. Ты вообще не носферату. Что ты здесь делаешь?

– Раймон, – выдохнул гость, но Свеа нахмурилась лишь сильнее. – Раймон моё имя, – повторил пришелец торопливо. – Помните, тогда, у башни Синего Дракона, вы обещали, что примете меня...

Секунду Свеа пыталась справиться с недоумением, а затем повторила:

– Раймон...

Раймон ощутил, что ноги его подкашиваются, когда увидел спокойную светлую улыбку на лице почти незнакомой вампирши. Полуэльф не ел и не спал три дня и держался лишь на уверенности в том, что нужно добраться до города. Затем услышал имя Свеа и вспомнил короткое знакомство и опрометчиво данное обещание. Он не слишком-то рассчитывал, что вампирша, невольной жертвой которой он стал, вспомнит его – тем более, что последнее время его не помнили даже те, с кем он жил в одном доме. Но идти больше было некуда, и Раймон решил попытаться счастья, а теперь, когда в глазах Свеа промелькнуло узнавание, силы окончательно оставили его.

Раймон рухнул и уже предвкушал столкновение с твёрдым полом, но руки Свеа подхватили его, и он внезапно оказался в каком-то малюсеньком мирке, который успел позабыть – рядом трепетал камин, а его поддерживали и не давали упасть. Раймон облизнул губы, с недоумением вглядываясь в такое же удивлённое лицо вампирши.

– Простите, – Раймон попытался встать. – Вы испачкаете камзол.

Свеа фыркнула.

– Как будто тут ещё есть, что пачкать, – она подняла глаза на вампира, который проводил Раймона в покои хозяина. – Алмонд, отбой приказа. Одежда подождёт. Моя ванна готова?

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.me/ru/veter_morveyn/vladyka-sumerechnoy-bashni

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)